

Библиотека „СВОБОДНАЯ РОССИЯ“.
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

Общедоступная серія № 3.

А. А. Титовъ.

Крѣпостное право,

и его отмѣна и
судьба крестьянства
до нашихъ дней.

Издание Е. В. Кожевниковой и
Е. А. Коломійцевой.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1907.

к-216/73

Крѣпостное право

40749

Крѣпостное право, его отмена и судьба крестьянства до нашихъ дней.

„Порвалась цѣпь великая,—
Порвалась и ударила
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ — по мужику“.—

Н. Некрасовъ.

(„Кому на Руси жить хорошо“).

Всякій слыхалъ о томъ, что раньше крестьяне были крѣпостными, и что больше 40 лѣтъ крѣпостное право кончилось. Во всякой деревнѣ есть еще люди, которые хорошо помнятъ, какъ они были „барскими“, и какіе тогда „при господахъ“ были порядки; а еще лучше помнятъ тотъ день, когда объявили, наконецъ, давно желанную волю.

Но многіе ли знаютъ, какъ стали крестьяне крѣпостными, и какъ случилось, что они стали свободными? И какъ потомъ даже ту свободу, которую крестьяне получили въ 1861 году, опять начали урѣзывать, издавать новые законы, которыми правительство стремилось если не вернуть снова крѣпостное право, то насколько возможно закабалить крестьянина? Чтобы подольше сохранять свою безответственность, правительству важно было *держатъ народъ въ темнотѣ и безправіи.* И пра-

вительство дѣлало все для того, чтобы прятать отъ народа правду, не позволяя ни печатать, ни читать полезныхъ книгъ, въ которыхъ честные знающіе люди писали о народныхъ нуждахъ и печаляхъ. Теперь эта злая пора кончилась, русскій народъ почти добился настоящей гражданской свободы, при которой только и можно народу отстаивать свои права и требовать нужныхъ для пользы *всего* народа законовъ.

Освобожденіе крестьянъ было первымъ шагомъ на пути освобожденія всего русскаго государства отъ нестерпимаго гнета общаго безправія, беззаконія, темноты и произвола, въ которыхъ, какъ въ желѣзныхъ путахъ, правительство держало народъ русскій много вѣковъ.

Только избавившись отъ крѣпостного права русскій народъ (какъ и другіе народы) могъ двинуться къ необходимой для его счастья свободѣ. Ясно поэтому, какое великое значеніе для жизни всего государства русскаго получилъ день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія.

Въ этой книжкѣ мы постараемся рассказать о томъ, какъ лишились крестьяне на Руси свободы; въ чемъ заключалось крѣпостное право; какъ удалось добиться его отмены; на какихъ условіяхъ были освобождены крестьяне; наконецъ о томъ, какими законами правительство обставило крестьянскую жизнь и какъ довело крестьянство до нынѣшняго безправія и бѣдности.

I.

Какъ крестьяне стали крѣпостными.

Три—четыре вѣка тому назадъ почти повсюду лучшія земли на Руси были захвачены князьями и боярами. Крестьяне же только въ немногихъ мѣстахъ имѣли свои земли, которыя назывались „черными“ волостями. Но если крестьянамъ пришлось сидѣть на чужихъ, „окняженныхъ“ или „обояренныхъ“ земляхъ, то все же они были свободны, т.-е. могли переходить съ одного мѣста на другое, селиться и занимать земли подъ обработку у того владѣльца, у котораго имъ было удобнѣе и выгоднѣе. Не имѣя своей земли, крестьянинъ, однако, принужденъ былъ платить разныя подати государству. Чтобы платить исправнѣе эти подати, крестьяне были зачислены въ общества и должны были поручаться другъ за друга *круговой порукой*. Такъ что уйти съ участка можно было только поставивъ вмѣсто себя новаго „жильца“ или новаго члена общины. Это, конечно, сильно привязывало крестьянина къ землѣ, къ своему обществу и участку. Кромѣ того, и отношеніе къ владѣльцу земельного участка тоже мѣшало крестьянину свободно распоряжаться своей судьбой. Владѣлецъ

заклучалъ съ крестьяниномъ особое условіе, пуская его жить и обрабатывать землю на своемъ участкѣ. Это условіе или „порядная“ не всегда была по плечу крестьянину. Особенно, когда приходилось садиться на новое мѣсто, т.-е. заводить и постройки и все необходимое по хозяйству. Тутъ владѣлецъ шелъ на помощь: давалъ „подмогу“, т.-е. ссуду, и уже съ этого дня крестьянинъ могъ считать себя закабаленнымъ, потому что весь долгъ свой владѣльцу уплатить было почти всегда не по силамъ для крестьянина, и долгъ переходилъ съ него на его сыновей и внуковъ.

Такъ понемногу крестьяне и закабалились владѣльцамъ земельныхъ участковъ. Крестьянинъ могъ, однако, переходить съ одного участка на другой; но, во-первыхъ, онъ долженъ былъ уплатить весь свой долгъ, а, во-вторыхъ, переходъ по закону позволялся только разъ въ году, осенью, за недѣлю или спустя недѣлю послѣ Юрьева дня, 26 ноября. Если же крестьянинъ уходилъ съ участка не все уплативъ или не въ срокъ, то считался бѣглымъ. Съ теченіемъ времени и это право перехода крестьяне утратили, и ихъ окончательно прикрѣпила къ землѣ *кабала*, въ которой они очутились у владѣльцевъ земельныхъ участковъ.

Мало-по-малу хозяева, т.-е. помѣщики, стали забирать все больше власти надъ крестьянской бѣднотой, — они уже стали надъ крестьянами и хозяевами и судьями и такая зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ вошла въ законъ.

Уже съ самаго начала XVII вѣка помѣщики мѣняютъ крестьянъ, переводятъ ихъ съ одной земли на другую, начинаютъ продавать ихъ, какъ лошадь или корову. Даже женятъ крѣпостныхъ своихъ и замужъ выдаютъ по своей помѣщичьей волѣ, а не по желанію самихъ вступающихъ въ бракъ, какъ это требуется по церковному закону. Очень скоро помѣщики начинаютъ смотрѣть на своихъ крѣпостныхъ, какъ на *безправныхъ рабовъ*, и за всякую провинность начинаютъ жестоко наказывать, — бить кнутомъ, батогами; мало того, подвергаютъ крестьянъ мучительнымъ пыткамъ, — подвѣшиваютъ за связанные назадъ руки, поджариваютъ огнемъ... Все это помѣщикъ могъ продѣлывать почти безнаказанно, — даже за убійство крѣпостного (до Петра Великаго) въ законѣ помѣщику наказанія не назначалось.

Такъ крѣпостное право пріучало всѣхъ къ жестокостямъ, къ безправію, къ полному произволу однихъ и полной беззащитности другихъ.

При Петрѣ Великомъ крѣпостнымъ стало еще хуже. Царь, желая развить торговлю и промышленность, заводилъ фабрики и заводы; чтобы они больше получали прибыли, Петръ I велѣлъ приписать къ заводамъ и фабрикамъ крѣпостныхъ, сдѣлавъ ихъ даровыми рабочими; особымъ указомъ *позволилъ* помѣщикамъ продавать крестьянъ,сылать ихъ въ Сибирь, обѣщая притомъ зачитывать сосланныхъ въ счетъ рекрутовъ; крестьянамъ же запретилъ уходить на отхожіе промыслы.

Екатерина II оказывала дворянамъ особое покровительство, отмѣнила для нихъ обязательную военную службу, а крѣпостныхъ крестьянъ закабалила еще горше прежняго.

Когда хотѣлось ей наградить угодившаго ей дворянина, или придворнаго, или военачальника, Екатерина дарила такому человѣку имѣніе, иногда населенное, а чаще—съ переводомъ въ него казенныхъ государственныхъ крестьянъ, обращая ихъ уже въ настоящихъ крѣпостныхъ. Такихъ подарковъ она надарила свыше 400 тысячъ „душъ“ (т. - е. только мужчинъ, а съ женщинами и дѣтьми до милліона народу!) а царь Павелъ только за нѣсколько первыхъ мѣсяцевъ своего царствованія роздалъ своимъ любимцамъ въ крѣпостные 210 тысячъ...

Какъ же жилось крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ?

Всѣ крѣпостные были полными рабами своихъ господъ и раздѣлялись на дворовыхъ, барщинныхъ и оброчныхъ.

Дворовые—были тѣ, которыхъ помѣщикъ, отрывая отъ земледѣлства, бралъ къ себѣ въ домъ, составлялъ изъ нихъ себѣ дворню для всякихъ услугъ, заставляя крестьянъ быть поварами, лакеями, кучерами, псарями и т. п., а женщинъ и дѣвушекъ—горничными, сѣбными дѣвушками, няньками, словомъ, разной прислугой. За малѣйшій проступокъ виновному грозила порка розгами, а то и кнутомъ на конюшнѣ. Не такъ поваръ приготовилъ какой-ни-

будь соусъ къ обѣду, или капризной барынѣ показалось только что не по вкусу Иванъ подливку сдѣлалъ къ жареному, и этого Ивана по одному знаку барина или барыни волокли на конюшню и драли безъ пощады.

Право во всякую минуту какъ вздумается, наказать человѣка, приучало помѣщиковъ съ самаго ихъ дѣтства къ жестокости, къ безчеловѣчному отношенію къ себѣ подобному. Крѣпостныхъ за людей не считали, не понимали, что они—такіе же люди, что у нихъ свои радости и горести. И для многихъ помѣщиковъ особеннымъ удовольствіемъ было устроить какое-нибудь издѣвательство надъ безправными, беззащитными людьми. Какая-нибудь старая злобная ключница доносила „на сонъ грядущій“ своей барынѣ, что Танька горничная „ластится“ за Петра-буфетчика замужъ выйти. Барыня сдѣлала видъ, что будто и не знаетъ, а какъ придутъ женихъ и невѣста разрѣшенія просить (вѣдь безъ барскаго согласія попъ вѣнчать не смѣлъ), тутъ барыня и натѣшится... Прикажетъ Таньку въ скотницы отдать, косу остричь, осрамить опозорить, а жениха въ другую деревню сошлетъ... За что? А вотъ, какъ это „дѣвка“ Танька посмѣла безъ барскаго согласія Петрухѣ приглануться!..

Женщинамъ же еще приходилось хуже. Чуть какая покрасивѣе,—баринъ себѣ облюбуетъ. А какъ станетъ дѣвушка противиться?

Сама бы потерпѣла, да за ней семья на деревнѣ осталась. Если станетъ упорствовать — семью погу-

бить. Если подастся барину — себя осрамить... И вѣшались и топились съ горя немало такія несчастныя, потому что негдѣ было искать защиты.

Всѣ остальные крѣпостные крестьяне были или на *барщинѣ* или на *оброкѣ*.

Барщинные крестьяне были тѣ, которые получали отъ помѣщика нѣсколько десятинъ надѣла для своего хозяйства, а взамѣнъ того должны были исполнять на помѣщика всѣ полевыя работы. По закону, который установленъ былъ Павломъ I въ день его коронаціи, барщина назначалась *трехдневная*, т.-е. три дня въ недѣлю барщинные крестьяне должны были работать на помѣщика, а три дня на себя. Но этотъ законъ почти никто изъ помѣщиковъ не исполнялъ. Не за рѣдкость было барщиннымъ крестьянамъ работать на помѣщика *круглую недѣлю*, а по своему хозяйству управляться только *по ночамъ да по праздникамъ*. Барскіе управляющіе взыскивали строго за работу и впередъ всего требовали кончить барскій „урокъ“... Обычно съ „тягла“ или „вѣнца“, (т.-е. съ мужа и жены) урокъ былъ — скосить и убрать одну или полторы десятины. Бывали „уроки“ и тяжелѣе. И вотъ, намучившись на барскомъ урокѣ, надо было безъ отдыху приниматься за свою работу.

Конечно, всякій погожій денекъ помѣщикъ норовилъ для своей работы использовать.

Крестьянамъ же свое сѣно или хлѣбъ приходилось убирать подъ дождемъ, часто совсѣмъ сгнившее. Но это рѣдкимъ помѣщикомъ принималось въ рас-

четь, — съ крестьянина одинаково требовались и при хорошей и при плохой уборкѣ и работа и скотина и повинности натурой; кромѣ полевыхъ работъ крестьянамъ надо было еще доставлять на барскій дворъ и живность разную, и грибы, и ягоды, и пряжу, и холсты, и сукно... Да еще хорошо, какъ помѣщикъ жилъ тутъ же въ своемъ имѣніи. А часто надо было всѣ продукты и дрова везти крестьянамъ на подводахъ за нѣсколько сотъ верстъ по всякой дорогѣ, въ непогодъ и стыть на морозахъ, мокнуть подъ дождемъ, блудить въ мятель... А не поспѣлъ къ сроку — помѣщикъ могъ отправить на съѣзжую, т.-е. въ полицію, и приказать розгами наказать...

На барщину садили помѣщики крестьянъ въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ. При хорошей землѣ и урожаяхъ это имъ было выгодно. Въ сѣверныхъ же губерніяхъ, съ плохой землей, помѣщики переводили крестьянъ съ барщины на *оброкъ*.

Оброчные крестьяне получали, обыкновенно, почти всю землю помѣщика для обработки и за то платили ему оброкъ или, по-теперешнему, аренду. При плохой землѣ помѣщику такъ было спокойнѣе. Назначить оброкъ, раздасть землю надѣлами по 10—13—15 десятинъ на душу, приставить управляющаго или приказчика смотрѣть за работами, а самъ закатится въ городъ или за-границу. Хорошъ ли выдался годъ или плохъ — помѣщику тужить не надо: крестьяне на оброкъ сидятъ, и денежки въ срокъ приказчикъ вышлетъ. А каково живется оброчнымъ,

по силамъ ли имъ оброкъ, удался ли урожай,—помѣщикъ о томъ рѣдко вспоминалъ, а только потарапливалъ письмами приказчика своего, чтобы скорѣе деньги высылалъ...

Отъ этого часто крестьяне разорялись, хозяйство ихъ падало.

Тогда помѣщикъ закладывалъ свое имѣніе, не думая о томъ, что и самъ идетъ на раззоръ и крестьянъ нищими дѣлаеть.

При тяжелой, непосильной работѣ, при полномъ безправіи и беззащитности, подъ страхомъ за всякій пустякъ быть наказаннымъ розгами или плетью безъ всякой пощады, а то быть отданнымъ въ солдаты на 25 лѣтъ жестокой службы, или быть сосланнымъ въ Сибирь, разставшись навѣкъ съ семьей, — не рѣдко бывало, что терпѣнью крестьянскому приходилъ конецъ. Жаловаться на помѣщика было нельзя, да и некому. За составленіе жалобы на помѣщика или подачу на него челобитной по закону полагалось битие кнутомъ и ссылка въ каторжныя работы. Поэтому ничѣмъ, кромѣ самоубійства или побѣга, крестьяне не могли защитить себя отъ произвола помѣщика, отъ всякой неправды, насилій и истязаній. Ничѣмъ, кромѣ бунта и убійства ненавистнаго помѣщика или поставленнаго имъ кровопійцы-управляющаго, крестьяне не могли отплатить за всѣ мучительства крѣпостного права. И крестьяне, натерпѣвшись отъ помѣщиковъ, часто поднимались противъ мучителей своихъ бунтомъ, жгли ихъ добро, а самихъ ихъ убивали. Такъ, напр., за 5 лѣтъ

только въ одной Московской губ. крестьяне убили 30 человекъ помѣщиковъ, да 5 разъ покушались на жизнь ихъ.

Никогда крѣпостные не считали, что крѣпостное право—вѣчное; напротивъ, повсюду въ народѣ была крѣпкая вѣра въ то, что помѣщики—царскіе слуги, что владѣютъ они крестьянами *временно*, что освобожденіе близко. Съ каждымъ новымъ царемъ поднимался сейчасъ же слухъ въ народѣ, что вотъ, новый царь освободитъ крѣпостныхъ, что онъ уже выдалъ указъ, да только помѣщики тотъ указъ прячуть. И крестьяне поднимались на помѣщиковъ, требуя выдачи царскаго указа о волѣ; правительство же, защищая крѣпостное право и помѣщиковъ, посылало солдатскія команды усмирять возстававшихъ крестьянъ. И за свою вѣру въ свободу, за свое ожиданіе воли крестьяне часто платили кровью. Такъ было, когда Екатерина II освободила дворянъ отъ обязательной для нихъ военной службы въ 1762 г., и разнесся слухъ, что царица и крестьянъ освободитъ отъ крѣпости; потомъ—въ 1766—1768, когда Екатерина созвала изъ людей всѣхъ званій комиссію для составленія новыхъ законовъ. Черезъ 30 лѣтъ, когда на престолъ взошелъ Павелъ I, опять разнесся слухъ, что крѣпости больше не будетъ, что новый царь дастъ крестьянамъ свободу. Крестьяне поднялись сразу въ 12 губерніяхъ, и царю пришлось усмирять ихъ оружіемъ. То же случилось и въ 1826-мъ году, въ 9 губерніяхъ, послѣ воцаренія императора Николая I. Затѣмъ бунты и

возстанія крестьянъ становятся еще чаще, несмотря на всѣ угрозы, со стороны правительства. За 26 лѣтъ въ царствованіе царя Николая I. крестьяне поднимались на помѣщиковъ *547 разъ*, хотя и выпущенъ былъ манифестъ отъ царя, что „всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ уплаты податей, а помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія ихъ господамъ — суть слухи ложные“, за распространеніе которыхъ манифестъ грозилъ страшными наказаніями. Священникамъ велѣно было этотъ манифестъ читать по всѣмъ церквямъ 6 мѣсяцевъ, а неповинующихся манифесту наказывать на мѣстѣ военнымъ судомъ, т.-е. вѣшать въ 24 часа. Но все это не помогало запугать крестьянъ, и до самаго своего освобожденія и казенные и барскіе крестьяне продолжали волноваться и возставать противъ крѣпостного права все чаще и чаще. Народъ ждалъ свободы своей, онъ былъ увѣренъ, что скоро ее получитъ. И никакіе манифесты и указы не могли заставить его отказаться отъ своей завѣтной мечты — избавиться отъ ненавистой помѣщичьей власти и стать свободными. Крестьянскіе бунты ясно показывали, какъ тяжело для народа ярмо крѣпостного права, какъ жаждетъ онъ свободы. И чѣмъ тяжелѣе дѣлалось крѣпостное право, тѣмъ чаще возставали крестьяне, и правительство волей-неволей должно было понять, что это дѣло лучше добромъ кончить, т.-е. лучше не доводить до того, чтобы всѣ крѣпостные поднялись, какъ одинъ человекъ. Съ другой стороны — сами помѣщики такъ вели свое хозяйство,

что долго крѣпостное право не могло бы продержаться. Большинство ихъ заботилось только о томъ, какъ бы побольше денегъ выжимать изъ имѣнія: крѣпостныхъ своихъ облагали непосильными поборами, оброкъ назначали самый высочай, о скотѣ не заботились, сами не хозяйничали, а больше вели дѣло управляющіе, которые и о своемъ карманѣ не забывали... А выжавъ изъ крестьянъ и изъ имѣнія всѣ соки, помѣщики старались подороже заложить имѣніе въ банкѣ, послѣднія деньги или прокучивали, или пускались въ разныя предпріятія, открывали заводы, фабрики; но ничего въ этомъ дѣлѣ не понимая, не имѣя никакого опыта и никакихъ необходимыхъ для дѣла знаній, скоро окончательно прогорали... Имѣнія же ихъ оставались за казенными банками и за долгъ переходили въ казну.

Начиная съ царствованія императрицы Екатерины II, правительство не разъ принималось за обсужденіе вопроса объ отмѣнѣ или облегченіяхъ крѣпостного права. Но дальше мелкихъ и нерѣшительныхъ распоряженій и разговоровъ дѣло не шло и часто, вмѣсто облегченія, участь крѣпостныхъ еще ухудшалась. Такъ, на примѣръ, Екатерина II, хорошо понимая причину крестьянскихъ бунтовъ, — жестокость помѣщиковъ и безправіе крестьянъ, — писала о томъ, что „если не согласятся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго наказанія, то и противъ воли сами (крѣпостные) свободу возьмутъ рано или поздно“. Но это не помѣшало Екатеринѣ II держать крѣпост-

ныхъ жесточе прежняго: именно при ней вышелъ законъ, запрещавшій крестьянамъ подавать челобитныя на притѣсненія помѣщиковъ; царица писала „объ уменьшеніи жестокости“ для крѣпостныхъ, а въ царствованіе свое отняла у крестьянъ этимъ закономъ даже послѣднюю надежду найти защиту отъ помѣщичьей жестокости! Подобныя намѣренія и распоряженія встрѣчаются и въ слѣдующія царствованія импер. Павла, Александра и Николая. Но правительство не рѣшалось приняться за отмену крѣпостного права, такъ какъ власть правительства, при самодержавно - чиновничьихъ порядкахъ опиралась на дворянъ, духовенство и на тотъ же закрѣпощенный народъ. Если отмѣнять крѣпостное право, то придется вѣдь отмѣнять и всѣ порядки, на немъ державшіеся: народъ очнется отъ рабства, какъ отъ дурмана; начнетъ требовать и земли, и воли, и образованія, и политическихъ правъ. И тогда старому порядку, который можетъ только на темнотѣ и рабствѣ народа держаться, придетъ конецъ.

Однако, хотя это и понимало русское правительство, но жизнь шла своей дорогой: помѣщики все больше закладывали имѣнія; крестьяне все чаще и сильнѣе возставали, жгли усадьбы и убивали изверговъ-помѣщиковъ; торговля не могла развиваться при домашнемъ производствѣ крѣпостными всего, нужнаго для хозяйства помѣщиковъ. Всѣ эти причины принуждали правительство хоть что-нибудь дѣлать для крѣпостныхъ крестьянъ, если

уже никакъ нельзя было ему рѣшиться на освобожденіе. Царь Николай I такъ и смотрѣлъ на это дѣло: самъ онъ никакъ не могъ рѣшиться освободить крестьянъ, а хотѣлъ, по его словамъ, „подготовить преобразование крѣпостного права для *наследника*“. И вотъ въ царствованіе Николая I только и было сдѣлано, что царь собиралъ „секретные“ комитеты, которые разсуждали о томъ, какъ бы „сдѣлать что-нибудь“, устроить какое-нибудь „переходное начало“, „переходное состояніе“ крестьянъ отъ рабства къ освобожденію.

Но изъ всѣхъ этихъ разговоровъ въ комитетахъ толку никакого для крестьянъ не выходило. Наконецъ съ 1848 года Николай I совсѣмъ отложилъ дѣло въ долгій ящикъ, напуганный тѣмъ, что въ сосѣднихъ государствахъ, Германіи и Австро-Венгріи, вспыхнула революція. Въ Германіи самодержавіе было уничтожено возставшимъ народомъ, королю пришлось присягнуть въ вѣрности установленной народными представителями конституціи; въ помощь королю противъ возставшихъ за свободу венгерцевъ Николай посылалъ русское войско. Эти событія отбили совсѣмъ у Николая I охоту заняться вопросомъ освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что придворные и знатные помѣщики, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, застрачивали царя, говоря, что всякая попытка освободить крестьянъ вызоветъ и въ Россіи революцію. Такъ тянулись бесполезно долгіе годы царствованія Николая I. Между тѣмъ, къ концу этого царствованія, порядки,

заведенные императоромъ Николаемъ I, довели Россію до крымской войны, которая, какъ и послѣдняя японская война, — раскрыла всѣмъ глаза на полное разстройство во всемъ управленіи государствомъ; и прежде всего — на то зло, которое причиняло Россіи крѣпостное право. Конечно, люди, болѣвшіе душой о народныхъ нуждахъ и горестяхъ, и раньше видѣли всѣ непорядки русскіе, но никто объ этомъ не смѣлъ говорить и писать; въ газетахъ позволялось только хвалить начальство, а про разную неправду и произволь начальства никто и слова не могъ напечатать... Все было въ тайнѣ, все было отъ народа за семьдесятъ замковъ заперто.

Только это къ добру не привело.

Прежде всего, когда случилась война, русскому правительству ни одно изъ сосѣднихъ государствъ не дало денегъ взаймы, потому что никто не зналъ, какія у русскаго государства доходы и расходы, и можно ли ему въ долгъ вѣрить. Потомъ все оказалось къ войнѣ неготовымъ; повсюду шелъ грабежъ казенныхъ денегъ; въ судахъ сидѣли чуть ли не поголовно взяточники; войско, которое учили только для парадовъ оказалось къ войнѣ неподготовленнымъ. Такъ и все. Словомъ, случилось то же самое, что и теперь, въ японскую войну. Пошла неудача за неудачей... Наконецъ огромный флотъ (англичанъ, французовъ, итальянцевъ, заключившихъ противъ Россіи союзъ) обложилъ Севастополь, главную русскую крѣпость на Черномъ морѣ. 11 мѣсяцевъ союзники осаждали городъ. Русскіе сол-

даты геройски защищали крѣпость, а за ней — всю родину. Но геройства одного мало, нужно еще и оружіе, и припасы, и лѣкарства, нужны и образованные начальники. Ничего этого не было. Наконецъ палъ Севастополь, и вскорѣ уже послѣ этого былъ заключенъ миръ.

Къ концу войны Николай I умеръ, передавъ престоль сыну своему Александру II. Молодой царь получилъ хорошее образованіе и воспитаніе. Еще будучи наслѣдникомъ, онъ хорошо понималъ, какіе дурные порядки завелъ въ государствѣ его отецъ, какъ онъ душилъ всякій голосъ, пытавшійся стать на защиту народнаго освобожденія. Война показала всѣмъ и наслѣднику не меньше другихъ, что дальше нельзя управлять царствомъ такъ, какъ управлялъ Николай I; что надо завести и суды хорошіе и установить прочные законы, искоренить взяточничество, открыть доступъ къ просвѣщенію... Но прежде всего, конечно, надо было отмѣнить крѣпостное право, потому что оно было тѣмъ болотомъ, въ которомъ вязло и сгнивало все хорошее и честное, все нужное для народа и всего государства.

Какъ было устанавливать „законъ, всѣмъ *равно* покровительствующій“ (какъ обѣщаль новый царь въ своемъ манифестѣ о заключеніи мира), когда десятки милліоновъ народа томились въ крѣпостномъ состояніи, гдѣ всѣ привыкли къ полному беззаконію? Какъ было заводить въ государствѣ судъ „скорый, милостивый, равный для всѣхъ“, когда надъ

милліонами крѣпостныхъ былъ одинъ только судъ— капризъ помѣщика, который могъ и помиловать и запороть человѣка на-смерть? Какъ было заводить просвѣщеніе, когда почти всѣ помѣщики считали, что народъ надо держать въ темнотѣ, чтобъ онъ „не баловался и не своевольничалъ“, другими словами, чтобы, пользуясь темнотой народной, легче было его угнетать, отнимая у него и силы, и здорье, и надежду на свободу?

Крѣпостное право стояло на дорогѣ всякой хорошей и нужной перемѣнѣ въ жизни народа и всего государства.

Начиная неотложныя перемѣны, надо было прежде всего начать съ самой главной перемѣны — съ отмѣны гнуснаго крѣпостнаго права, которое держало милліоны крестьянъ въ рабствѣ, въ безправіи, въ темнотѣ и беззаконіи, развращало всѣхъ жестокими, безчеловѣчными крѣпостными нравами, наконецъ, мѣшало завести въ государствѣ правильную промышленность и торговлю, потому что, пользуясь даровымъ трудомъ крѣпостныхъ, помѣщики почти все нужное для хозяйства и обихода дѣлали домашнимъ способомъ, т.-е. вели натуральное хозяйство.

Съ отмѣны крѣпостнаго права и началъ Александръ II свои перемѣны или, какъ принято называть. *реформы* въ государственной жизни Россіи.

II

Какъ было отмѣнено крѣпостное право.

Крѣпостное право ненавидѣли не одни крѣпостные. Не мало было и изъ помѣщиковъ хорошихъ образованныхъ людей, чаще всего — ученыхъ или писателей, которые, насмотрѣвшись въ дѣтствѣ на ужасы крѣпостнаго права, на всю жизнь получали отвращеніе ко всякому насилію и жестокости. Такіе люди всей душой стояли за освобожденіе крестьянъ; стараясь убѣдить въ этомъ другихъ помѣщиковъ и правительство, они описывали все зло, всю мерзость крѣпостныхъ отношеній... И хотя трудно было, особенно при порядкахъ, введенныхъ Николаемъ I, говорить и писать прямо о томъ, что надо отмѣнить крѣпостное право, — однако такіе люди все-таки и говорили и писали объ этомъ. Многие платились за свои „дерзкія“ рѣчи, многихъ ссылали или запирали въ тюрьмы за ихъ честныя слова. Другіе — скрывались совсѣмъ изъ Россіи и за-границей, въ свободныхъ странахъ, продолжали писать, требуя отмѣны крѣпостнаго права, доказывая на всѣ лады его вредъ и для крестьянъ, и для помѣщиковъ, и для всего государства.

Изъ такихъ людей особенно замѣчательнъ былъ писатель Александръ Ивановичъ Герценъ, который рано поселился за-границей и въ англійской столицѣ Лондонѣ издавалъ журналъ „Колоколъ“ на

русскомъ языкѣ. Въ этомъ журналѣ онъ смѣло, честно и безъ всякаго стѣсненія описывалъ всѣ безобразія, весь произволь русскихъ властей и помѣщиковъ, требуя свободы и для крестьянъ и для всего государства. Въ своемъ журналѣ Герценъ печаталъ присылавшіяся ему тайно изъ Россіи письма о всемъ, что творилось на нашей родинѣ, писалъ самъ постоянно, разъясняя, сколько зла приносятъ Россіи крѣпостное право и тѣ порядки, которые завелъ Николай I. Журналъ Герцена читали въ Россіи нарасхватъ, хотя это и было запрещено подь строгимъ наказаніемъ, и этотъ журналъ многихъ научилъ понимать, что прежде всѣхъ другихъ перемѣнъ надо отмѣнить крѣпостное право. Въ русской литературѣ, т.-е. въ разныхъ статьяхъ, сочиненіяхъ, разсказахъ и стихахъ постоянно проводилась та же мысль, хотя, конечно, не открыто, а подь разными намеками. Но всѣ понимали эти намеки и умѣли читать, какъ говорится, между строкъ.

Такимъ образомъ не всѣ помѣщики стояли за крѣпостное право, —многіе ненавидѣли его не меньше самихъ крѣпостныхъ. Лучшая, образованная часть общества охотно шла на встрѣчу освобожденію крестьянъ. Съ другой стороны—надежда на близость освобожденія не покидала народъ. Съ непостижимой жадностью ловилъ онъ каждый слухъ о желанной волѣ.

И вотъ, когда царь Николай I умеръ, не докончивъ неудачной крымской войны, и на престолъ вступилъ его наслѣдникъ, Александръ II, —повсюду снова заговорили крестьяне о близкой волѣ. Раз-

неся слухъ, что молодой царь, еще будучи наслѣдникомъ, порѣшилъ освободить крестьянъ. Въ январѣ 1855 года вышелъ отъ новаго царя манифестъ о народномъ ополченіи. Его сейчасъ же въ народѣ истолковали такъ, что всѣхъ, кто добровольно пойдетъ въ ополченіе, царь наградить, вмѣстѣ съ ихъ семействами, полной волей. Крестьяне заволновались, стали отказывать въ повиновеніи помѣщикамъ... Волненія начались еще въ 1854 году; а въ 1855 крестьяне стали подниматься противъ помѣщиковъ и ихъ власти уже и въ Кіевской, и въ Саратовской, и въ Симбирской, и въ Воронежской, губерніяхъ. Власти едва усмирили возставшихъ противъ крѣпостной неволи крестьянъ военными командами, которыя перестрѣляли много народу.

Однако, по началу, и новый царь ни однимъ словомъ не обмолвился о крестьянскомъ освобожденіи въ манифестѣ, которымъ онъ объявилъ о своемъ восшествіи на престолъ. Назначенный царемъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской въ успокоеніе помѣщиковъ даже оповѣстилъ предводителей дворянства, что государь повелѣлъ ему *„ненарушимо охранять* права дворянства, вѣнченосными его предками дарованныя дворянству“. Главнымъ же „правомъ“, которое больше всего боялись потерять дворяне-помѣщики было, конечно, крѣпостное право. Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дворянамъ пришлось прочитать (въ манифестѣ о заключеніи мира) о намѣреніи новаго царя ввести законы *„всѣмъ равно* покровительствующіе, для

всѣхъ равно справедливые“. И въ этихъ словахъ дворяне уже почуяли для себя бѣду. Законы покровительствовали до сихъ поръ только дворянамъ. А если законы будутъ для *всѣхъ равно* покровительствовать и будутъ для *всѣхъ равно* справедливы, — значить крѣпостному праву конецъ...

Вскорѣ дворянамъ пришлось выслушать, отъ самого царя, такія слова, надъ которыми надо было дворянству крѣпко призадуматься. Проѣзжая чрезъ Москву въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 года, Александръ II сказалъ депутаціи московскихъ дворянъ:

— „Носятся слухи, что я хочу объявить освобожденіе крѣпостного состоянія... Я не скажу вамъ, чтобъ я былъ совершенно противъ этого: мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это можетъ случиться. *Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло выше, нежели снизу*“.

Выслушавъ эту рѣчь, дворяне разѣхались по своимъ усадьбамъ и передавали ее своимъ сосѣдямъ подъ великимъ секретомъ, успокаивая другъ друга, что „отъ словъ до дѣла еще далеко“.

Между тѣмъ черезъ 9 мѣсяцевъ государь собралъ въ Петербургѣ особый „секретный“ комитетъ по крестьянскому дѣлу. Этому комитету царь поставилъ вопросъ — пора ли освобождать крестьянъ? Хотя въ этотъ комитетъ вошли больше *враги* освобожденія, однако всѣ они признали, что дальше крѣпостнаго права нельзя удерживать.

Медленно шла работа въ комитетѣ, споры въ которомъ сводились лишь къ тому, чтобы какъ-нибудь затянуть дѣло. Но тутъ пріѣхалъ въ Петербургъ виленскій генераль-губернаторъ Назимовъ и привезъ съ собой ходатайство литовскаго дворянства о томъ, чтобы улучшить положеніе тамошнихъ крестьянъ. Товарищъ министра внутр. дѣлъ Левшинъ ухватился за это ходатайство и предложилъ въ докладѣ царю начать *освобожденіе* крестьянъ съ западныхъ губерній, а для обсужденія дѣла — открыть въ каждой губерніи *особые комитеты* изъ дворянъ-помѣщиковъ тамъ, гдѣ они сами пожелаютъ. Этотъ докладъ едва не застрялъ въ „секретномъ“ комитетѣ, которому, наконецъ, было приказано черезъ 8 дней подать о докладѣ свое мнѣніе. Наконецъ *20 ноября 1857 г.* былъ подписанъ царскій рескриптъ на имя Назимова. Въ рескриптѣ повелѣвалось *теперь же* открыть губернскіе комитеты (поровну изъ выбранныхъ помѣщиками и изъ назначенныхъ властью членовъ). Комитетомъ этимъ указывалось, что земля должна остаться *за помѣщиками*, а за крестьянами — право на выкупъ *въ собственность* „усадебной осѣдлости“; *въ пользованіе же* — надѣлъ земли, достаточной „для обезпеченія ихъ и для исполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками“.

Кромѣ того за крестьянами признавалось право жить „сельскими обществами“, а за помѣщиками — право „вотчинной полиціи“. Другими словами, кре-

стьяне получили бы только выкупленную на свои же деньги усадьбу да клочокъ земли; власть помѣщика перемѣнилась бы только по названію. Помѣщики же сохраняли всю землю за собой и дѣлались полицейскимъ начальствомъ надъ крестьянами. Но даже и такое „освобожденіе“ считалось тогда благодатью, а правительство даже и самого слова „освобожденіе“ испугалось: въ другомъ рескриптѣ на имя петербургскаго генераль-губернатора Игнатьева этого страшнаго слова уже не помѣстили, а замѣнили словами: „улучшеніе быта крестьянъ“!

Чтобы дѣло опять не заглохло, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской отпечаталъ копии рескрипта въ одну ночь и приказалъ разослать ихъ всѣмъ губернаторамъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ это время губернаторомъ былъ старикъ-декабристъ Муравьевъ *). Онъ уговорилъ нѣкоторыхъ дворянъ—нижегородцевъ подать ходатайство объ открытіи губернскаго комитета въ Н.-Новгородѣ. Это было *первое* добровольное ходатайство дворянъ о комитетѣ, гдѣ дворяне могли бы сговориться о томъ, какъ слѣдуетъ освободить крестьянъ.

Ждали, что первымъ заявить такое желаніе московское дворянство. Но московскій генераль-губер-

*) Одинъ изъ тѣхъ, которые хотѣли 14 декабря 1825 года ограничить самодержавіе, отказались присягать новому царю Николаю I вмѣстѣ съ солдатами гвардіи. Возстаніе было подавлено, пятеро казнено, многіе сосланы были въ Сибирь, въ каторжныя работы, откуда ихъ вернулъ черезъ 30 лѣтъ Александръ II.

наторъ гр. Закревскій былъ отъявленный крѣпостникъ и всячески успокаивалъ московскихъ дворянъ, говоря, что онъ „имѣетъ на этотъ счетъ вѣрныя свѣдѣнія изъ Петербурга“, а самъ въ это время держалъ въ Москвѣ войска на-готовѣ, боясь бунта черни. Помѣщикамъ, конечно, было не до того, чтобы торопиться съ ходатайствами объ освобожденіи крестьянъ и открытіи губернскихъ комитетовъ; они жадно ловили каждое слово такихъ людей, какъ Закревскій, которые утверждали, что „изъ этихъ мечтаній правительства ничего не выйдетъ“. Однако Закревскому было замѣчено, что „неприлично медлить второй столицѣ“. Ходатайства другихъ губерній поступали туго, да и то потому, что министерство имъ „напоминало“ чрезъ губернаторовъ и предводителей, а не потому, чтобы у помѣщиковъ было свое желаніе. По словамъ тов. мин. Левшина „чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго (у помѣщиковъ) вызова освободить крестьянъ *не было ни въ одной губерніи*“. Такъ жадно цѣплялись помѣщики за крѣпостное право!

Наконецъ къ октябрю 1858 года поступили послѣднія ходатайства дворянъ о разрѣшеніи открывать губернскіе комитеты.

Для занятій этихъ комитетовъ былъ имъ разосланъ особый планъ, составленный крѣпостникомъ Позеномъ. Поэтому и неудивительно, что планъ занятій, разосланный по губернскимъ комитетамъ, сводилъ дѣло къ тому, чтобъ или совсѣмъ затянуть освобожденіе, или чтобы какъ можно меньше

дать крестьянамъ свободы, въ „переходное“ время, или, наконецъ, чтобъ освободить ихъ безъ земли!

Въ губернскихъ комитетахъ сошлись изъ помѣщиковъ люди разные. Одни стояли за *полное* освобожденіе крестьянъ *съ землей* (за выкупъ). Другіе хотя и соглашались съ тѣмъ, что крестьянъ надо освободить, но считали, что ихъ слѣдуетъ освободить *безъ земли*. Наконецъ третьи съ яростью доказывали, что крѣпостное право—„святое“ право дворянъ, что дворяне—опора самодержавнаго царя, что если освободить крестьянъ, то должно пропасть все государство, дворяне обнищаютъ, и некому будетъ поддерживать царское самодержавіе. Первыхъ—было въ комитетахъ повсюду меньшинство. Вторыхъ и третьихъ—большинство. На засѣданіяхъ споры доходили до скандаловъ, до дракъ... Въ Самарскомъ, на примѣръ, комитетѣ членъ его, Ю. О. Самаринъ (стоявшій за полное освобожденіе крестьянъ съ землей), иначе не приходилъ на засѣданія, какъ вооружившись, и имѣя тѣлохранителей изъ своихъ дворовыхъ. Предсѣдатели комитетовъ старались вести протоколы засѣданій такъ, чтобы мнѣнія и желанія меньшинства, т.-е. членовъ, сочувствовавшихъ освобожденію, или вовсе не записывались, или чтобы все главное изъ такихъ рѣчей выкидывалось.

Словомъ—все пускалось въ ходъ дворянами-крѣпостниками въ губернскихъ комитетахъ, чтобъ ясно показать правительству, что помѣщики почти все пого ловно *противъ* освобожденія.

Между тѣмъ въ Петербургѣ небольшой кружокъ людей, искренно старавшихся о *настоящемъ* освобожденіи крестьянъ, не сидѣлъ сложа руки. Этотъ кружокъ состоялъ отчасти изъ лицъ, близкихъ къ Александру II, отчасти просто изъ образованныхъ и честныхъ людей, всей душой добивавшихся освобожденія.

Изъ близкихъ къ царю людей особенно зорко слѣдила за ходомъ дѣла великая княгиня Елена Павловна. Она была добрая и хорошо образованная женщина. Еще въ 1856 году она задумала освободить своихъ крѣпостныхъ въ огромномъ полтавскомъ имѣніи Карловка. Боясь по неопытности испортить хорошее дѣло, она обратилась за помощью къ Николаю Алексѣевичу Милютину, въ которомъ нашла самага вѣрнаго друга народной свободы. Оцѣнивъ его знанія и преданность дѣлу освобожденія великая княгиня Елена Павловна черезъ него скоро нашла и другихъ хорошо образованныхъ людей, всей душой желавшихъ освобожденія крестьянъ: князя Черкаскаго, профессора К. Д. Кавелина, Соловьева и другихъ. Близкая родня царю, Елена Павловна всегда во-время узнавала всѣ перемѣны въ мысляхъ и намѣреніяхъ царя, и въ каждую трудную или опасную для святого дѣла освобожденія минуту умѣла осторожно переговорить съ царемъ, повліять на него.

Изъ другихъ близкихъ царю людей надо вспомнить добромъ и великаго князя Константина Николаевича, который тоже помогалъ царю своими

совѣтами и въ самомъ концѣ работъ защищаль крестьянскіе интересы въ Главномъ Комитетѣ.

Для разбора мнѣній губернскихъ комитетовъ въ 1859 году рѣшено было открыть въ Петербургѣ особая „редакціонная коммиссія“, председателемъ которыхъ царь назначилъ Я. И. Ростовцева. За все время своей работы Ростовцевъ не отступалъ отъ своей цѣли — добиться *полнаго* освобожденія крестьянъ. А это было въ особенности потому важно, что въ этихъ коммиссіяхъ, гдѣ, собственно говоря, рѣшали судьбу не только тѣхъ 23 милліоновъ, которыхъ собрались освободить, но и ихъ дѣтей и внуковъ, — въ этихъ коммиссіяхъ засѣдавшіе члены раздѣлились на партіи, какъ и въ губернскихъ комитетахъ. Одни вмѣстѣ съ Ростовцевымъ, Милютинымъ, Самаринымъ и Черкасскимъ стояли за полное освобожденіе. Другіе, какъ кн. Голицынъ или гр. Шуваловъ, были противъ. И между партіями сейчасъ же, когда въ мартѣ 1859 г. открылись коммиссія, пошла расколъ и споры. Тутъ Я. И. Ростовцевъ, всегда держа сторону крестьянъ, много помогалъ дѣлу, сейчасъ же становясь на сторону меньшинства членовъ, стремившихся къ полному освобожденію, поддерживалъ ихъ мнѣніе, старался во время предупредить государя о замыслахъ противниковъ, стоявшихъ за интересы дворянъ-помѣщиковъ и т. п.

Въ серединѣ августа 1859 г. въ помощь редакціоннымъ коммиссіямъ были приглашены депутаты отъ губернскихъ комитетовъ. Съѣхавшись въ Петербургъ,

они въ огромномъ большинствѣ оказались на сторонѣ *крѣпостниковъ*. Всѣ, кто въ Петербургѣ недоволенъ былъ работами коммиссіи за то, что онѣ не забывали главной сути дѣла — интересовъ крестьянъ, — всѣ такіе люди очень обрадовались пріѣзду депутатовъ изъ губерній. Разсчитывали на то, что депутаты изъ 21 губерній, собравшись въ Петербургѣ, повернуть все дѣло по-своему, т.-е. убѣдятъ государя въ томъ, что крѣпостное право рано отмѣнять или, по крайней мѣрѣ, склонять его къ тому, чтобъ освободить крестьянъ *безъ* земли (въ противоположность тому, какъ твердо рѣшилъ государь, и какъ убѣждали его въ томъ всѣ образованные и честные люди, стоявшіе за *полное* освобожденіе съ землей за обязательный выкупъ). Но друзья народной свободы, Милютинъ и Соловьевъ, не прозѣвали дѣла и во-время предупредили государя, подавъ чрезъ министра Ланского государю записку о замыслахъ крѣпостниковъ-депутатовъ, домогавшихся, чтобы все дѣло освобожденія было отнято отъ редакціонныхъ коммиссій и передано собранію однихъ *дворянъ*, которымъ для ихъ засѣданій отвести залы во дворцѣ (объ этомъ они просили царя въ особомъ адресѣ, по совѣту сенатора Безобразова). Въ своей запискѣ Милютинъ и Соловьевъ, объяснивъ опасность всему дѣлу, просили государя о томъ, чтобы не давать депутатамъ никакой власти рѣшать вопросы по освобожденію, а повелѣть имъ *отвѣтить* только на тѣ вопросы, которые будутъ предложены имъ отъ редакціонной

комиссіи. Получивъ записку Милотина и Соловьева, Александръ II вернулъ ее съ надписью: „Нахожу этотъ взглядъ правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями“.

Депутатовъ словно холодной водой окатили: они ѣхали въ Петербургъ, чтобы все дѣло повернуть на свою, дворянскую пользу; забрать все дѣло освобожденія въ свои руки, а тутъ приходится только отвѣтить на то, о чемъ спросятъ редакціонныя комиссіи. Конечно, депутаты не успокоились и разными способами хотѣли добиться своего. Но на всѣ ихъ домогательства царь отвѣтилъ отказомъ, и депутатамъ пришлось подчиниться. Такъ старанія крѣпостниковъ не привели ни къ чему, и дѣло освобожденія осталось въ рукахъ редакціонной комиссіи, гдѣ за интересы крестьянъ стояли дружно такіе надежные люди, какъ Ростовцевъ, Милотинъ, Самаринъ, Черкасскій, Соловьевъ и другіе друзья народной свободы.

Къ декабрю 1858 г. имъ удалось доказать государю, что освобожденіе надо устроить такъ, чтобы крѣпостные крестьяне сразу, безъ всякихъ отяжекъ, получили всѣ права *свободныхъ* сельскихъ сословій; чтобы власть помѣщика отошла къ самимъ крестьянамъ, къ общинѣ, или „міру“; и чтобы крестьяне постепенно становились *собственниками* земли путемъ выкупа при содѣйствіи правительства. Этотъ планъ освобожденія и былъ 4 декабря 1858 г. утвержденъ государемъ.

Мысль о томъ, что крестьянъ необходимо освободить съ землей, выкупленной у помѣщиковъ, вся-

чески поддерживалась друзьями освобожденія и въ печати (т.-е. въ газетахъ и журналахъ) и въ губернскихъ комитетахъ. Тѣ, кто глубже понималъ дѣло, указывали на то, что выкупъ для помѣщика долженъ быть *обязательный*. Еще въ 1857 г. о необходимости выкупа писалъ тверской предводитель Унковскій: иначе, по его мнѣнію, нельзя ни крестьянамъ укрѣпиться въ свободномъ состояніи ни помѣщикамъ обезпечить права на ихъ собственность. Проф. К. Д. Кавелинъ доказалъ въ своей знаменитой статьѣ, что освобожденіе крестьянъ возможно безъ обязательнаго выкупа.

Съ самаго начала государь заявилъ, что за *личность* крѣпостного выкупа не должно быть. Но крѣпостники сумѣли дѣло повернуть иначе: рѣшенъ былъ обязательный выкупъ усадебной осѣдлости, т.-е. передача крестьянамъ за обязательный выкупъ ихъ *усадебныхъ* земель и построекъ. Этотъ выкупъ усадебъ, собственно говоря, былъ *тотъ же выкупъ личности, только подъ другимъ названіемъ*. Кромѣ того, Александръ II твердо заявилъ, что онъ противъ *обязательнаго* выкупа.

Сначала правительство пугалось одной мысли о выкупѣ и запрещало писать о немъ статьи въ газетахъ и журналахъ. Но въ 1858 г., съ осени, правительство начало соглашаться съ мыслью о необходимости выкупа. Однако даже и въ 1859 г. правительство ничего опредѣленнаго и вѣрнаго о выкупѣ еще не говорило, помѣщики-крѣпостники

все еще запугивали его, стараясь удержать за собой всё земли, не понимая, что, сдѣлавъ 23 милліона народа нищими бродягами, они погубятъ и разорятъ все государство; отдавая же крестьянамъ землю за выкупъ, они (какъ потомъ и вышло) только свои же дѣла поправятъ.

Вопросъ о землѣ и выкупѣ надѣловъ такимъ образомъ не былъ точно установленъ, — правительство колебалось, не зная, съ какого конца пріяняться за это первѣйшей важности дѣло. И это плохо кончилось для всей дальнѣйшей судьбы крестьянства. Помѣщики-крѣпостники, составлявшіе большинство въ губернскихъ комитетахъ, конечно всячески старались тянуть правительство на свою сторону, пользуясь его нерѣшительностью.

Когда, наконецъ, правительство рѣшило освободить крестьянъ съ *землей*, взятой у помѣщиковъ за выкупъ, то между редакціонными комиссіями и депутатами отъ губернскихъ комитетовъ пошла настоящая война. Редакціоннымъ комиссіямъ прежде всего надо было установить, сколько земли слѣдуетъ оставлять за помѣщиками, а сколько — надѣлять крестьянамъ. Послѣ разныхъ споровъ комиссіи рѣшили оставить крестьянамъ тѣ надѣлы, которые были отведены имъ самими помѣщиками. Но когда начали разбираться, вышло, что въ однихъ мѣстахъ помѣщики сажали своихъ крестьянъ на очень большіе надѣлы, а въ другихъ мѣстахъ — на очень малые. Тогда рѣшили выбрать изъ крѣпостныхъ надѣловъ средніе, и къ нимъ, гдѣ надо, добавить, а

гдѣ надо — уменьшить земли. Для этого вся Россія была подѣлена на 3 полосы, — черноземную, не черноземную и степную, а эти 3 полосы — на мѣстности, и уже для каждой мѣстности (смотря по тому, какія земли, какіе есть у населенія промыслы и работы, въ какой цѣнѣ земли), были установлены *наибольшіе* и *наименьшіе* надѣлы, къ которымъ и надо было подгонять отдѣльные надѣлы. Чтобъ опредѣлить, что стоитъ надѣлъ, комиссіи высчитали, какой приходится *средній* оброкъ платить крестьянамъ помѣщику, установивъ, что эта сумма и есть цѣна *высшаго* надѣла. При этомъ считали, что оброкъ не долженъ приниматься въ счетъ свыше 8 р. на душу. Если же надѣлъ былъ ниже установленнаго наибольшаго надѣла, то и цѣна за него понижалась, т.-е. считалось, что и оброкъ долженъ въ счетъ итти меньшій. Когда коснулось дѣло усадебной земли, то помѣщики промышленныхъ мѣстностей стали въ губернскихъ комитетахъ назначать за усадебныя земли крестьянъ небывалыя цѣны, говоря, что только выкупъ за усадьбы и вознаграждаетъ ихъ убытки. Чтобы не дать тамъ крестьянъ въ обиду и кстати за одно ужъ и вообще отмѣнить отдѣльный выкупъ за усадебныя земли (какъ раньше предполагалось), редакціонныя комиссіи рѣшили *соединить* выкупъ усадебной земли и полевыхъ угодій вмѣстѣ, назначивъ дороже цѣну за *первую* десятину надѣла (въ которую вошла и усадьба): на примѣръ, при надѣлѣ въ 4 десятины, за первую десятину назначалось 4 руб., за вторую —

2 р. 40 к., за третью и четвертую — по 1 р. 30 к.

Противъ такого плана и поднялись депутаты изъ губернскихъ комитетовъ. Помѣщики-депутаты добивались, чтобы, во-первыхъ, надѣлы установить *вездѣ* одинаковые (чрезъ это они получили бы огромную выгоду, а крестьяне въ очень многихъ мѣстахъ почти ничего не получили бы, а дѣти ихъ должны бы по міру пойти); а, во-вторыхъ, помѣщики-депутаты добивались получить за землю выкупъ много дороже, чѣмъ назначалось въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Эти домогательства помѣщики-депутаты хотѣли представить государю, снова желая добиться для себя прямого участія въ работахъ редакціонныхъ комиссій.

Съ другой стороны тѣ изъ депутатовъ, которые (въ меньшинствѣ) желали болѣе выгодныхъ для крестьянъ условий освобожденія и, кромѣ того, добивались, чтобы правительство скорѣе установило немедленный выкупъ, всесословное выборное земство, независимый гласный судъ, тоже подали царю адресъ съ этими своими пожеланіями. Наконецъ отъявленные крѣпостники тоже не зѣвали, и отъ ихъ лица депутатъ Шидловскій (вмѣстѣ съ камергеромъ Безобразовымъ) подалъ государю письмо, въ которомъ просилъ „призвать къ подножію престола нарочито выбранныхъ отъ дворянства уполномоченныхъ“, а на членовъ редакціонныхъ комиссій (въ особенности на Ростовцева, Милютину и Соловьева) взводилъ разныя клеветы и небылицы.

Но депутатамъ былъ отъ царя сдѣланъ выговоръ за ихъ адреса, Безобразова выслали изъ столицы. Боясь, что дворяне-депутаты, которые послѣ этого разѣхались по своимъ губерніямъ, поднимутъ на ноги все дворянство, было запрещено на дворянскихъ выборахъ дворянамъ обсуждать дѣло освобожденія. Тутъ правительство зацѣпило и правыхъ и виноватыхъ, лишая дворянъ права обсуждать ихъ нужды, что было имъ издавна разрѣшено по закону. Дворяне рязанскаго, тверскаго и орловскаго дворянствъ послали царю адреса о насиліи надъ ними. Но эти адреса были оставлены безъ отвѣта, дворянамъ былъ сдѣланъ выговоръ; а тверской предводитель Унковскій (притомъ стоявшій за освобожденіе крестьянъ, за устройство хорошихъ судовъ, земства и т. п.) былъ даже высланъ въ Вятку...

Между тѣмъ въ работахъ редакціонныхъ комиссій началась замѣчательная перемѣна. Ростовцевъ, стоявшій всей душой за интересы крестьянъ, опасно заболѣлъ и уже не могъ предсѣдательствовать въ засѣданіяхъ; вскорѣ, въ ночь на 6 февраля 1860 г., онъ скончался. Крѣпостники въ Петербургѣ сразу подняли головы: главнаго ихъ врага больше не было уже на свѣтѣ. Смерть Ростовцева, случившаяся въ самое горячее для дѣла время, такъ повліяла на Милютину и Соловьева, что они рѣшили было выйти въ отставку, бросить все дѣло, потерявъ въ Ростовцевѣ незамѣнимаго союзника, бывшего въ редакціонныхъ комиссіяхъ не только вѣрнымъ дру-

гомъ крестьянства, но и имѣвшаго за собой большую силу у царя, уважавшаго и вѣрившаго Ростовцеву. Все дѣло теперь сводилось къ тому, кого царь назначить быть предсѣдателемъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ на мѣсто умершаго Ростовцева. Наконецъ, черезъ 3 дня выборъ царя сталъ извѣстенъ: на мѣсто Ростовцева царь назначилъ графа В. Н. Панина, — извѣстнаго крѣпостника, упрямаго и безжалостнаго чиновника-буквоѣда, ненавидѣвшаго все новое...

Узнавъ объ его назначеніи, крѣпостники рѣшили, что они одержали верхъ, что всѣ работы редакціонныхъ комиссій Панинъ повернетъ на ихъ пользу, затынетъ дѣло и уже, конечно, не допуститъ, чтобы крестьянамъ дали землю за выкупъ... Но и на этотъ разъ ихъ радость и торжество потерпѣли неудачу: Панинъ былъ завѣдомый крѣпостникъ, но прежде всего онъ былъ царскій слуга, привыкшій исполнять въ точности каждое приказаніе своего господина. И когда великая княгиня Елена Павловна, напутанная назначеніемъ Панина на мѣсто Ростовцева, сказала царю, что какъ бы Панинъ не повернулъ все дѣло на пользу крѣпостниковъ, Александръ II ей отвѣтилъ:

— У Панина нѣтъ другихъ мнѣній, кромѣ какъ исполнять мои приказанія.

А Панину отъ царя было приказано не мѣшать членамъ редакціонной комиссії докончить работы такъ, какъ велись онѣ при Ростовцевѣ.

Крѣпостники, однако, считали, что Панинъ, ихъ вѣрный единомышленникъ, сумѣетъ и царю угодить и дѣло испортить.

Въ редакціонныхъ комиссіяхъ Панинъ ко всѣмъ державшимъ сторону крестьянъ относился враждебно и хотя съ виду велъ дѣло, какъ ему было приказано, но втихомолку никогда не упускалъ случая тѣмъ или другимъ способомъ оттягать что-нибудь въ пользу дворянъ-крѣпостниковъ и часто со злорадствомъ заявлялъ, что дѣло не кончится только въ редакціонныхъ комиссіяхъ, а будетъ еще разсматриваться въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ онъ и надѣялся сдѣлать все, чтобы стѣснить крестьянъ и въ землѣ и въ правахъ.

Между тѣмъ, въ это время шли въ комиссіяхъ споры о томъ, передать ли крестьянамъ надѣлы въ *безсрочное* пользованіе или произвести немедленный и обязательный выкупъ надѣловъ. Панинъ держался какъ будто въ сторонѣ отъ этихъ споровъ.

Но въ это же время, т.-е. 6 февраля 1860 г., второй разъ собрались въ Петербургѣ депутаты отъ 23-хъ губернскихъ комитетовъ, въ числѣ 40 человекъ. Панинъ, чтобы не подавать виду, не входилъ съ депутатами въ близкія сношенія. Но депутаты отлично понимали и безъ того, на чьей сторонѣ новый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій. И вотъ 37 человекъ изъ нихъ (т.-е. изъ 40 почти всѣ) написали Панину письмо, въ которомъ требовали, чтобы срокъ, въ теченіе котораго крестьяне могли бы пользоваться надѣлами, былъ сильно сокра-

ценъ; чтобы крестьяне получили отъ помѣщиковъ свободу не раньше, чѣмъ пройдетъ этотъ срокъ; чтобы *потомъ* уже крестьяне получили полную свободу, безъ всякой круговой поруки, безъ всякихъ стѣсненій отъ общины или „мира“.

Для своего же брата-помѣщика депутаты требовали, чтобъ ихъ собственность (т.-е. помѣщичьи земли), осталась цѣликомъ за ними и чтобы съ крестьянами помѣщикамъ жить по *добровольному* соглашенію. Всякому понятно, что если бы такъ сдѣлать, какъ домогались въ своемъ письмѣ дворяне-депутаты, то 23 милліона крѣпостныхъ, едва освободившись отъ крѣпостного права, какъ только кончился бы срокъ пользованія надѣлами, опять попали бы въ еще горьшую кабалу къ тѣмъ же самымъ помѣщикамъ.

Между тѣмъ Панинъ со своей стороны разными способами старался гнуть дѣло на сторону помѣщиковъ. Хотя о безсрочности надѣловъ споръ въ комиссіяхъ къ тому времени былъ порѣшенъ, Панинъ представилъ царю записку, въ которой доказывалъ, что надо рѣшать этотъ вопросъ не въ комиссіяхъ, а въ Главномъ Комитетѣ (куда все равно должны были поступить на окончательный просмотръ все рѣшенія редакціонныхъ комиссій). Царь написалъ на запискѣ Панина, что вопросъ о срочномъ или безсрочномъ пользованіи надѣлами онъ, царь, „оставляетъ рѣшить за собой“. Наконецъ, къ 10 октября 1860 года комиссія уже составила полный планъ освобожденія крестьянъ и проектъ положенія о крестьянахъ.

1-го ноября царь принялъ всѣхъ членовъ редакціонной комиссіи, благодарилъ ихъ за ихъ труды и прибавилъ, что въ планахъ редакціонной комиссіи „можетъ быть придется многое измѣнить“. Этими словами царь намекалъ на то, что надѣлы, установленные въ комиссіяхъ, на врядъ ли пройдутъ въ Главномъ Комитетѣ, т.-е. что тамъ ихъ вѣроятно, еще уменьшатъ; надо сказать, что и безъ того уже надѣлы были уменьшены противъ первоначально установленныхъ въ комиссіяхъ: такъ, на примѣръ, для черноземной полосы въ 650 уѣздахъ надѣлы были убавлены *отъ* $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ *десятинъ* на каждый надѣлъ! (въ разныхъ уѣздахъ разное).

Почему такъ вышло? Потому, что крѣпостники помѣщики всячески добивались, чтобы земли было надѣлено крестьянамъ какъ можно меньше, а за помѣщиками ея было оставлено какъ можно больше. Такъ, губернскіе комитеты стояли на томъ, чтобы крестьянамъ отошла только *половина* всей той земли, какая была надѣлена самими помѣщиками (при крѣпостномъ правѣ)! Въ редакціонныхъ комиссіяхъ едва удалось отстоять и поставить при разверсткѣ надѣловъ за правило, чтобы помѣщику оставалась *третья* часть *всей* его *удобной* земли, а остальные *два трети* отошли бы крестьянамъ.

Теперь дѣло переходило въ Главный Комитетъ. Какъ разъ накануне, какъ начаться засѣданіямъ Главнаго Комитета, председателя его, извѣстнаго крѣпостника гр. Орлова, расшибъ параличъ. На мѣсто Орлова царь назначилъ великаго князя Кон-

стантина Николаевича. Онъ и раньше и теперь стоялъ за освобожденіе крестьянъ на тѣхъ условіяхъ, какія установили редакціонныя комиссіи; на его сторонѣ стояли еще 3 члена—Ланской, Челинъ и гр. Блудовъ. Противъ былъ, конечно, Панинъ, который говорилъ, что редакціонныя комиссіи чуть ли не обворовали несчастныхъ дворянъ; требовалъ, чтобы цифры надѣловъ, установленныя въ комиссіяхъ, снова провѣрить (надѣясь, конечно, что ему удастся еще убавить надѣлы, т.-е. еще обобрать крестьянъ въ пользу помѣщиковъ). Съ Панинымъ за одно были и другіе члены (Валуевъ, Муравьевъ, Долгорукій). А кн. Гагаринъ требовалъ, чтобы крестьяне выкупали землю только по добровольному соглашенію съ помѣщиками; а чтобы не нарушать царскихъ рескриптовъ, предлагалъ попросту сдѣлать нарѣзку земли по *одной* десятины на душу!

Панину удалось настоять на томъ, чтобы снова провѣрить наивысшія цифры надѣловъ, и вмѣстѣ съ Семеновымъ ему это и было поручено. Наконецъ, на надѣлахъ сошлись. 14 января было послѣднее засѣданіе Главнаго Комитета. Дѣло переходило теперь въ Государственный Совѣтъ.

Между тѣмъ, народъ, узнавъ о началѣ работъ и занятій въ губернскихъ комитетахъ и въ комиссіяхъ въ Петербургѣ, сначала заволновался а потомъ затихъ, выжидая, какая воля выйдетъ изъ всѣхъ этихъ работъ и занятій. Но только снаружи было въ народѣ тихо. А на самомъ дѣлѣ ожиданіе свободы въ народѣ до того уже дошло, что, напри-

мѣръ, въ день новаго 1859 года, т.-е. *за 2 года* еще до освобожденія, народъ биткомъ набился въ церкви, ожидая, что въ этотъ день попы прочтутъ манифестъ о волѣ! За эти же 2 года нетерпѣніе въ народѣ дошло уже до того, что наканунѣ подписанія манифеста великая княгиня Елена Павловна писала Милотину, что по словамъ ея людей, „если ничего не будетъ къ 19-му, то чернь явится къ Зимнему дворцу съ требованіемъ освобожденія“.

Зная, до чего народъ извѣрился въ разныя обѣщанія, царь, въ рѣчи своей Государственному Совѣту, потребовалъ, чтобы все дѣло было кончено въ первую половину февраля. При этомъ царь прибавилъ: „Вы убѣдитесь, господа, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; „если Государственный Совѣтъ найдетъ нужнымъ что-либо измѣнить, то царь готовъ принять замѣчанія членовъ Государственнаго Совѣта, но просить не забывать, что „основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе крестьянъ... не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ“.

Государственный Совѣтъ, конечно воспользовался по-своему позволеніемъ царя „въ чемъ-нибудь измѣнить или добавить“ планы редакціонныхъ комиссій. Первымъ дѣломъ были еще уменьшены надѣлы. Затѣмъ, по предложенію кн. Гагарина, установленъ былъ такъ называемый „дарственный“, („нищенскій“ или „сиротскій“) надѣлъ; постановлено было (и царь на это согласился), чтобы помѣщикъ (по соглашенію съ крестьянами) могъ имъ безъ всякаго выкупа прямо

„подарить“ часть земли (не меньше $\frac{1}{4}$ наибольшаго надѣла); а „принявъ помѣщичій подарокъ“ — крестьяне уже ничего съ помѣщика не могли больше требовать. Право получить отъ помѣщика землю по „дарственному“ надѣлу вполнѣдствіе раззорило сотни тысячъ крестьянъ, польстившихся на землю безъ выкупа, не разобравши въ чемъ дѣло.

Члены Государственнаго Совѣта, разные сановники, были опять-таки помѣщики да еще къ тому же очень крупные. Большая часть изъ нихъ старалась только о пользѣ и выгодахъ помѣщичковъ. Споровъ было много.

Наконецъ къ 16-му февраля все было кончено. 19-го государственный секретарь Бутковъ привезъ въ Зимній дворецъ на подпись царю окончательно готовое „Положеніе о крестьянахъ“ и манифестъ *) объ освобожденіи, которыя Александръ II и подписалъ въ этотъ же день.

Крѣпостное право стало отмѣненнымъ навсегда.

5 марта въ ясный весенній денекъ манифестъ о волѣ былъ прочитанъ въ петербургскихъ церквахъ съ амвона. Около манежа царь самъ прочиталъ толпѣ народа манифестъ объ освобожденіи отъ крѣпостнаго права.

*) Этотъ манифестъ сначала былъ составленъ Миллютинымъ и Соловьевымъ. Но потомъ царь поручилъ составить его митрополиту Филарету, который совсѣмъ и дѣлу то не сочувствовалъ! И вмѣсто того, чтобы написать манифестъ простымъ, яснымъ, понятнымъ всякому простолюдину языкомъ Филаретъ его составилъ такъ, что не всякій сразу и догадается, о чемъ рѣчь идетъ...

Народъ, безъ шапокъ, выслушалъ манифестъ, но ура не смѣлъ закричать: на это не было дозволенія полиціи! Она позаботилась о томъ, чтобы даже *волю* свою народъ не посмѣлъ встрѣтить крикомъ радости!..

Въ другихъ мѣстахъ манифестъ объявляли позднѣе. И правительство и помѣщики очень боялись за то, какъ-то встрѣтитъ народъ давно желанную волю... Крѣпостники съ затаенной злобой ждали, что вотъ-вотъ исполнятся ихъ предсказанія: народъ начнетъ палить усадьбы, рѣзать помѣщичковъ, грабить ихъ имущество и мстить за всѣ вѣковыя обиды и притѣсненія, понесенныя при крѣпостномъ правѣ отъ помѣщичковъ.

Однако этого не случилось. За исключеніемъ немногихъ мѣстностей, крестьянство спокойно приняло вѣсть о волѣ и злобныя предсказанія крѣпостниковъ не сбылись *).

*) Кое-гдѣ крестьяне волновались, отказываясь принимать положеніе 19 февраля и говоря при этомъ, что они подождутъ лучше, пока объявятъ „настоящую волю“, а не ту, которая наступитъ еще черезъ 2 года и при которой даны недостаточные надѣлы. „Настоящую же волю помѣщики скрыли“, говорили крестьяне. Дѣло дошло и до кровопролитій. Самое сильное волненіе крестьянъ случилось въ деревнѣ Безднѣ, Казанской губерніи. Тутъ крестьянину Антону Петрову удалось выдать себя за самого царя, котораго, дескать преслѣдуютъ помѣщики за то, что настоящую волю объявилъ. Въ короткое время Петровъ собралъ вокругъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ крестьянъ. Собралась толпа, безоружная, не понявшая обмана Петрова только по своей темнотѣ и потому, что народъ истомился, ожидая освобожденія. Однако генераль Апраксинъ, посланный для „усмиренія“, не пожалѣлъ крестьянъ и не принялъ въ расчетъ крестьянской темноты: генераль скомандовалъ солдатамъ

Такъ изъ губерніи въ губернію, изъ деревни въ деревню переходила вѣсть о волѣ... А черезъ 2 года власть помѣщичья прекратилась, крестьяне стали „вольными“.

Въ чемъ же состояла воля, объявленная въ положеніи 19 февраля 1861 г.?

Хорошо ли было налажено крестьянское дѣло и новое житье-бытье „свободныхъ сельскихъ хлѣбопашцевъ“ (такъ названы были въ манифестѣ крестьяне)? Достаточно ли были даны имъ надѣлы? Закончено ли было дѣло освобожденія крестьянъ, составлены ли были для ихъ устройства всѣ нужные законы? Или всему этому, самому главному для всего государства, дѣлу устройства крестьянъ только положено было начало „Положеніемъ о крестьянахъ“ 19 февраля 1861 г.?

Прежде всего, по положенію 19 февраля крестьяне не сразу становились свободными. Два года (до введенія въ дѣйствіе такъ называемой „уставной грамоты“, подробно опредѣлявшей всѣ условія, на какихъ отходили крестьяне отъ помѣщика), крестьяне обязаны были отбывать помѣщику попрежнему всѣ повинности. Сразу же, со дня объявленія воли, отмѣнялись только всякіе поборы съ крестьянъ и запрещалась барщина больше 3-хъ дней въ недѣлю.

дать по толпѣ нѣсколько залповъ... Тутъ легло много убитыхъ и раненыхъ. Въ другихъ мѣстахъ волненія были слабѣе, крестьяне скоро подчинялись, хотя и непризнавая въ душѣ, что объявленная воля— настоящая, та самая, которой такъ ждалъ народъ, и которая дѣйствительно могла бы залѣчить всѣ раны, нанесенныя крѣпостнымъ правомъ.

Послѣ этихъ 2-хъ лѣтъ прекращались уже всякія права помѣщика надъ крестьянами; но и послѣ этого срока они *оставались попрежнему прикрѣпленными къ землѣ*. Надѣлы, какъ уже знаемъ, были даны за выкупъ. Этотъ выкупъ заплатила помѣщикамъ казна, а казнѣ остались должниками крестьяне, которымъ этотъ долгъ былъ разсроченъ на 49 лѣтъ. Вотъ, чтобы казнѣ удобнѣе было взыскивать съ крестьянъ каждый годъ выкупные платежи, т.-е. крестьянскій долгъ въ казну, и было *запрещено крестьянамъ оставлять надѣлы и переселяться въ другія мѣста*.

Стало быть, воля крестьянская сначала только въ томъ состояла, что крѣпостные перестали быть подъ властью помѣщиковъ.

Вмѣсто этой, помѣщичьей, власти, когда введены были въ дѣйствіе уставныя грамоты, крестьяне получили право составить изъ себя „общество“ или „міръ“, который могъ собираться на сходъ, выбирать тамъ судей волостныхъ и разныхъ должностныхъ лицъ; другими словами, крестьянамъ дано было право *самимъ* управлять своими дѣлами, дано было имъ *самоуправленіе*.

Чтобы было кому разбирать всякіе споры крестьянъ съ помѣщиками (а споровъ этихъ особенно о надѣлахъ, о повинностяхъ, о выкупныхъ платежахъ, первое время было немало), установлены были особые *мировые посредники*, которые должны были сначала составить, по согласію крестьянъ съ помѣщиками, „уставныя грамоты“. Въ то же время мировые по-

средники должны были имѣть надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Мировые посредники были установлены *временно*, пока не наладится новая жизнь крестьянская.

Временнымъ считалось и все устройство крестьянскаго самоуправления: крестьянскія общества, соединенныя въ черезполосныя волости, были устроены временно, только для того, чтобы крестьянамъ, на первыхъ порахъ, легче было защищать себя отъ помѣщика, къ которому они еще оставались во временно-обязательныхъ отношеніяхъ (вѣдь они несли 2 года повинности предъ помѣщикомъ и отбывали барщину). *Временнымъ* считалось, на примѣръ, и стѣсненіе въ семейныхъ раздѣлахъ: крестьяне должны были первое время нести на себѣ особенно много расходовъ; а чтобы они исправно платили подати и выкупные платежи, ихъ связали *круговой порукой* и *обязательнымъ землепользованіемъ*. Вотъ и считалось, что *пока* не слѣдуетъ дозволить крестьянамъ семейныхъ раздѣловъ иначе, какъ съ разрѣшенія сельскихъ сходовъ, чтобы не разбивать большія хозяйства семействъ, гдѣ было много рабочихъ рукъ.

Временно былъ установленъ и волостной судъ: дешевыхъ, хорошихъ и доступныхъ судовъ (на примѣръ, такихъ, какъ потомъ были мировые суды) тогда еще не было. Вотъ и устроенъ былъ волостной судъ изъ выбранныхъ самими крестьянами судей, но устроенъ былъ *на время*, пока не будетъ настоящихъ низшихъ судовъ. удобныхъ и деше-

выхъ для крестьянскаго населенія. По Положенію 19 февраля разрѣшалось даже и совсѣмъ не заводить волостныхъ судовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ-изстари былъ у крестьянъ какой-нибудь судъ *по обычаю* (на примѣръ, „судъ стариковъ“).

Такимъ образомъ само правительство признавало, что для настоящаго устройства крестьянской жизни надо еще многое будетъ перемѣнить въ законахъ о крестьянахъ.

Предполагалось, что съ освобожденіемъ отъ крѣпостнаго состоянія крестьяне должны получить *всю* права другихъ свободныхъ сословій. Но на самомъ дѣлѣ крестьяне получили послѣ освобожденія только немногія изъ этихъ, общихъ, правъ: на примѣръ, свободу промысловъ и торговли... А между тѣмъ крестьяне, и по освобожденіи своемъ, остались въ самомъ главномъ на совершенно особомъ, *отдѣльномъ* отъ другихъ сословій, положеніи, — именно: крестьянство какъ было, такъ и осталось *податнымъ сословіемъ*. И пока крестьяне продолжали оставаться податнымъ сословіемъ — нельзя было считать, что они получили настоящую свободу, потому что во многихъ правахъ противъ другихъ, неподатныхъ сословій, они были ограничены при самомъ освобожденіи. А пользуясь этимъ, можно было потомъ еще ограничить крестьянъ въ правахъ, какъ вздумается. Выходить, что сейчасъ послѣ освобожденія крестьяне получили волю *не полную*, что эту волю надо было еще во многомъ дополнять.

Теперь разберемъ, достаточные ли были даны крестьянамъ надѣлы при освобожденіи, и могли ли крестьяне платить при полученныхъ надѣлахъ всѣ платежи и нести всѣ повинности, какія были установлены?

Россия—страна, какъ всякій знаетъ, земледѣльческая. Если есть у насъ теперь много фабрикъ и заводовъ, есть и отхожіе разные промыслы, то и теперь, все же, главнымъ образомъ населеніе добываетъ себѣ пропитаніе земледѣліемъ.

40 слишкомъ лѣтъ назадъ фабрикъ и заводовъ было у насъ въ Россіи совсѣмъ мало. Поэтому тогда еще важнѣе было, чѣмъ теперь, освобождая крестьянъ, дать имъ достаточно земли.

Между тѣмъ было рѣшено взять (за выкупъ) двѣ трети помѣщичьихъ земель, нарѣзать изъ этихъ земель надѣлы (отъ 1 десятины до $4\frac{1}{2}$ —5). При томъ нарѣзка сдѣлана была такъ, что въ счетъ удобной земли пошло много и не удобной, а при размежеваніи и потомъ при передѣлахъ, получались надѣлы не въ цѣльномъ кускѣ, а въ полоскахъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Вышла черезъ полосица, при которой много времени рабочаго и много силы тратится зря, землю въ полоскахъ обрабатывать очень неудобно. Затѣмъ выкупъ установили необязательный для помѣщика. Кромѣ того, надѣлы не поступали въ собственность сразу, а сначала—только въ пользованіе крестьянъ, за что они несли разные повинности предъ помѣщикомъ. Дальше установленъ былъ, какъ знаемъ уже,

дарственный надѣлъ, разорившій народу безъ числа. Наконецъ кромѣ уплаты выкупныхъ платежей (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне выпли на выкупъ) на крестьянахъ лежала еще уплата государственныхъ податей, земскихъ сборовъ и еще разныхъ натуральныхъ повинностей, и, наконецъ, крестьяне же несли на себѣ расходы и по содержанию своего мірскаго самоуправленія, т. - е. волости, суда и т. п. Чтобы могъ крестьянинъ нести всѣ эти повинности и обеспечивать пропитаніе себѣ и семьѣ, ему, при средней землѣ, надо было положить душевой надѣлъ *не меньше 8 десятинъ*. А у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ даже и до половины, т.-е. до 4-хъ десятинъ, не во многихъ мѣстахъ доходили надѣлы; въ Воронежской же, на примѣръ, губерніи и въ Пензенской одна пятая часть крестьянъ получила даже меньше *одной* десятины на душу!

Вотъ и вышло, какъ подсчитано было (по официальнымъ цифрамъ податной комиссіи и по сравненію крестьянскихъ повинностей съ доходностью земель, показанной въ земскихъ оцѣнкахъ), что во Владимірской, на примѣръ, губерніи *на 1 рубль доходу* съ земли крестьянинъ долженъ заплатить *2 рубля 76 копеекъ платежей!* Въ Тверской губ. на 1 р. доходу платежей приходится 2 руб. 52 коп., въ Костромской—2 руб. 40 коп., въ Псковской—2 рубля 13 коп. а въ Вятской—2 рубля...

Выходитъ, что къ каждому рублю дохода, полученнаго съ земли, крестьянину надо еще *добавлять*

отъ 2 рублей до 2 рублей 76 коп., чтобы только исправно уплатить всѣ повинности и платежи. А чѣмъ ему себя и семью кормить, на какія деньги ему скотину содержать, на что ему все свое хозяйство поддерживать?! Это одному Господу Богу извѣстно.

Ясно, что надѣлы были даны малые, а повинности и платежи назначены были черезчуръ большія, съ надѣлами несообразныя. Выходъ оставался для крестьянина одинъ: *не всѣ платежи платитъ*, т.-е. накапливать на себѣ и на своихъ сыновьяхъ недоимки. Такъ, конечно, и случилось.

Черезъ двадцать лѣтъ недоимки уже дошли въ Новгородской, напр., губерніи до 102%, а въ Смоленской — даже до 129% оклада; другими словами, на каждый рубль платежей на крестьянахъ накопилось недоимокъ въ Новгородской губ. 1 руб. 2 коп., а въ Смоленской—1 руб. 29 коп.! Выходитъ, что крестьянамъ не только не удавалось выплачивать всѣхъ тѣхъ платежей, которыхъ съ нихъ требовала казна, но долги по этимъ платежамъ или недоимки—все росли и росли изъ года въ годъ, потому что дохода съ земли, при недостаточныхъ надѣлахъ, не могло бы хватить на уплату всѣхъ платежей, даже если бы крестьяне рѣшили помираться съ семьями съ голоду и *весь* свой доходъ съ земли отдавали бы на уплату податей и сборовъ, не оставляя себѣ ни одной копейки на прокомленіе, ни одного зерна на сѣмена.

Подведемъ теперь итогъ, отмѣнено ли было 19 февраля 1861 г. крѣпостное право во всемъ объемѣ?

Стали ли крестьяне вполнѣ свободными? Крѣпостные были, какъ знаемъ, закрѣпощены *къ землѣ и къ помѣщику*. Отъ *помѣщичьей* власти Положеніе 19 февраля 1861 г. крестьянъ раскрѣпостило. Но къ *землѣ* крестьяне *остались* попрежнему *закрѣпощенными*, такъ какъ оставлять своихъ надѣловъ не могли (до 1889 года).

Во время крѣпостного права крестьяне были податнымъ сословіемъ, платившимъ подати государству черезъ помѣщика. Освобожденные *крестьяне остались податнымъ сословіемъ* съ подушной податью, съ круговой порукой за исправность въ платежахъ, а это значитъ, что *бывшіе крѣпостные не были уравнены въ правахъ со всеми остальными свободными сословіями*.

Все новое устройство крестьянской жизни и управленія было *временнымъ*, т.-е. такимъ, которое надо было какъ можно скорѣе измѣнить такъ, чтобы крестьяне стали *дѣйствительно* „свободными хлѣбопашцами“, какъ назвалъ ихъ манифестъ 19 февраля.

Наконецъ, *надѣлы были даны недостаточные. Повинности же и выкупные платежи были назначены* очень высокіе, съ *надѣлами* и доходами съ этихъ надѣловъ совершенно *несоразмѣрные*.

Ясно, что не кончено было 19 февраля 1861 г. крестьянское дѣло. Оно только начиналось. Предстояло составить еще не мало законовъ, которыми докончено бы было *полное* освобожденіе крестьянъ: прежде всего правильно и справедливо разложить налоги на *всѣ* сословія, снявъ извѣстную часть съ крестьянъ;

уравнять крестьянство во всѣхъ правахъ съ другими сословіями, снять съ крестьянъ запрещеніе оставлять надѣль, т.-е. дать полную свободу переселенію и всячески помочь этому важному дѣлу; возможно скорѣе снять съ крестьянъ выкупные платежи; дать имъ свободный доступъ къ образованію; отмѣнить паспорта; отмѣнить запрещеніе семейныхъ раздѣловъ; уравнять и увеличить надѣлы за счетъ государства; сдѣлать волость всесословной... Словомъ, всего и не перечестъ. Работа по составленію всѣхъ такихъ законовъ, необходимыхъ для правильнаго устройства крестьянъ, для *полнаго* настоящаго ихъ освобожденія отъ всякихъ слѣдовъ крѣпостного права,—эта работа законодателя вся еще была впереди. Къ ней надо было перейти сейчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ.

Что же сдѣлало на самомъ дѣлѣ правительство для устройства крестьянскаго быта послѣ освобожденія? Были ли даны крестьянамъ всѣ необходимые для ихъ правильнаго устройства законы? Довело ли правительство при Александрѣ II и въ слѣдующіе годы до конца крестьянское дѣло, поставило ли оно жизнь крестьянскую прочно, все въ ней заботливо и добросовѣстно наладивъ, или забывъ о своемъ отвѣтѣ передъ родиной, свернуло съ широкой дороги въ темные кривые переулки и завело крестьянство въ вязкое болото нищеты, невѣжества и безправія, вмѣсто того, чтобы дать крестьянству вмѣстѣ со свободой—безбѣдность, образованіе и одинаковыя со всѣми другими сосло-

віями права, охраняемая для всѣхъ равнымъ закономъ? Всякій крестьянинъ и каждый, кто хотя немного знаетъ крестьянскую жизнь, принужденъ отвѣтить, что нѣтъ у крестьянина ни свободы, ни образованія, ни безбѣднаго житья. А какъ и отчего это случилось—мы сейчасъ постараемся рассказать.

III.

Какія перемѣны сдѣланы были въ законахъ о крестьянахъ послѣ объявленія воли.

Разберемся теперь въ томъ, какъ правительство устраивало жизнь крестьянъ послѣ освобожденія отъ крѣпостного права, какіе законы о крестьянахъ были составлены и объявлены правительствомъ за прошедшія 45 лѣтъ.

Эти законы расскажутъ намъ о томъ, почему крестьяне стали послѣ выхода на волю жить бѣднѣе; какъ случилось, что теперь черезъ 45 лѣтъ, по всему нашему государству стономъ стоитъ требованіе крестьянъ: „Земли и воли!“, они расскажутъ, какъ и почему жизнь крестьянская сдѣлалась безправной, осталась темной вмѣсто того, чтобы стать послѣ объявленія воли свободной и обогатиться знаніемъ, безъ котораго ничего нельзя въ жизни улучшить.

Послѣ освобожденія крестьянъ правительство три раза принималось составлять законы о крестьянахъ. Сначала правительство не слѣшило прини-

маться за составленіе новыхъ законовъ о крестьянахъ, а только вводило повсюду „Положеніе 19 февраля“, съ разными измѣненіями. На это ушло цѣлыхъ 20 лѣтъ. Въ 1889 году правительство рѣшительно заявило, что надъ крестьянами нужна опека, и съ начала девяностыхъ годовъ до нашего времени стало объявлять только такіе законы, которые, какъ высокій заборъ, отдѣлили жизнь крестьянскую отъ жизни всѣхъ другихъ сословій, вмѣсто того, чтобъ уравнивать крестьянъ въ правахъ со всѣми другими сословіями, какъ обѣщали при освобожденіи. И отъ всѣхъ новыхъ законовъ только и вышло для крестьянъ, что жизнь ихъ стала тѣсной, бѣдной, темной и безправной, вмѣсто того, чтобы стать свободной, съ достаткомъ, съ образованіемъ и свободными, прочными правами, какъ ее сдѣлали бы хорошіе, полезные, правильные законы.

Но кто у насъ составлялъ для народа законы? Разные петербургскіе чиновники, которые не знали крестьянской жизни и ея нуждъ, а думали лишь о томъ, какъ бы отличиться передъ начальствомъ. Министры же, которые проводили законы, за нихъ передъ народомъ не отвѣчали. А тамъ, гдѣ законы составляютъ чиновники, никогда не бываетъ, чтобы законы составлялись на пользу народу. Чиновники не о народъ думаютъ, а только о себѣ заботятся. Только тамъ, гдѣ *самъ* народъ, чрезъ своихъ выбранныхъ людей, чрезъ своихъ *представителей*, составляетъ законы, — только тамъ законы идутъ народу на пользу.

Мы уже указали, что на всѣ установленія по крестьянскому дѣлу, на все устройство новой крестьянской жизни правительство при освобожденіи глядѣло, какъ на *временные* законы, нужные только для *перехода* крестьянъ отъ крѣпости къ волѣ. Если бы сейчасъ же послѣ освобожденія всѣ эти временные законы о крестьянахъ и ихъ устройствѣ стали бы замѣнять новыми, притомъ дѣйствительно нужными для настоящей пользы и крестьянъ и всего государства, то жизнь крестьянская пошла бы, конечно, иначе, чѣмъ теперь она идетъ. Но этого, какъ увидимъ, сдѣлано не было.

Прежде всего разработку новыхъ законовъ о крестьянахъ царь Александръ II сейчасъ же послѣ освобожденія передалъ въ руки такихъ людей, которые не могли заботиться честно о пользѣ крестьянской, потому что думали они не о крестьянскихъ нуждахъ, а о выгодахъ помѣщиковъ. Тѣ же люди, которые въ редакціонныхъ комиссіяхъ стояли за крестьянскій интересъ, были отъ этого дѣла отставлены. Такъ, Н. А. Милотинъ, напри- мѣръ, получилъ почти сейчасъ же послѣ 19 февраля 1861 г. отставку, потому былъ изъ-за границы опять позванъ, но не для того, чтобы продолжать дѣло устройства бывшихъ крѣпостныхъ въ Россіи, а получилъ назначеніе въ Польшу устраивать польскихъ крестьянъ, т.-е. приставленъ къ чужому для него дѣлу. Такъ вышло и съ другими, стоявшими за правильное устройство крестьянъ раньше, во время работъ по освобожденію. Многіе сами стали

уходить, видя, что лучшіе люди, самые вѣрные защитники крестьянскаго дѣла удалены.

Работы по устройству крестьянскаго быта замерли. Главный комитетъ, которому было поручено довести до конца дѣло редакціонныхъ комиссій и провести реформы, необходимыя послѣ освобожденія, ограничился лишь тѣмъ, что *распространилъ* положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 г., на остальные разряды крестьянъ: на государственныхъ, на заводскихъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ, горнозаводскихъ и разныхъ другихъ, — поселенцевъ, колонистовъ, башкиръ и такъ далѣе... Для устройства каждаго этого отдѣльнаго разряда крестьянъ комитетомъ измѣнялись разныя статьи закона 19 февраля; а потомъ эти измѣненныя статьи еще дополнялись почти каждый день новыми „разъясненіями“, „дополненіями“, „циркулярами“ и т. п. издѣліемъ министерскихъ чиновниковъ. Эти чиновники, сидя въ Петербургѣ и отъ роду не выдавъ ни государственныхъ, ни горнозаводскихъ, ни дворцовыхъ крестьянъ, ни колонистовъ, ни армянъ и грековъ, ни башкиръ, ни всѣхъ другихъ разрядовъ крестьянъ, ничего не зная о томъ, какъ имъ всѣмъ жилось тамъ, на ихъ мѣстахъ раньше, ничего не понимая въ томъ, что всѣмъ этимъ людямъ надо, чего имъ недостаетъ, — не зная всего этого, петербургскіе чиновники составляли о нихъ и ихъ жизни законы и циркуляры. А какъ эти чиновническія измышленія законовъ будутъ налаживать жизнь крестьянскую, и что изъ этого выйдетъ, — конечно

до этого чиновникамъ-законодателямъ заботы было мало...

А за это время, т.-е. почти за 10 лѣтъ, то положеніе крестьянъ, которое въ законѣ 19 февраля считалось *временнымъ*, затянулось. На всѣ *временные* порядки, на всѣ *временныя* учрежденія крестьянскія привыкли уже смотрѣть, какъ на *постоянныя*. Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу и не думалъ этихъ *временныхъ* порядковъ перемѣнять. Напротивъ, эти *временные* порядки комитетъ вводилъ повсюду. вмѣсто того, чтобы ни повторять ошибокъ и неудачъ, которыхъ не удалось избѣжать въ законѣ 19 февраля, главный комитетъ разлилъ ихъ по всей Россіи мутнымъ половодьемъ, въ которомъ стало еще труднѣе отдѣлить *полезное* отъ *вреднаго* въ крестьянскомъ устройствѣ.

Крестьянъ *обособили* отъ другихъ сословій въ самомъ началѣ. Но надѣялись это скоро исправить. А между тѣмъ, чѣмъ больше, тѣмъ дальше въ новыхъ законахъ о крестьянахъ правительство отступало отъ плановъ редакціонныхъ комиссій и отъ всего того, что на самомъ дѣлѣ было надо для правильнаго устройства крестьянской жизни.

При освобожденіи, крестьянъ заставили владѣть землей на условіяхъ, совершенно не похожихъ на обыкновенныя, правильныя условія владѣнія землей: съ одной стороны — крестьянина сдѣлали хозяиномъ надѣла, а съ другой стороны — онъ, хозяинъ, своей землей распоряжаться не могъ. Продать — не могъ. Съ надѣла уйти — не могъ. Самое большее — могъ

съ сосѣдомъ полосой помѣняться. Такъ же, какъ въ устройствѣ землевладѣнія крестьянъ и въ устройствѣ *управленія* ихъ жизнью и дѣлами тоже съ каждымъ годомъ все больше отдѣляли ихъ отъ другихъ сословій.

Раньше, до освобожденія, было нѣсколько отдѣльныхъ сельскихъ „вѣдомствъ“, вѣдавшихъ „дѣла“ о помѣщичьихъ крестьянахъ, удѣльныхъ, государственныхъ и т. д., которые все жили другъ отъ друга обособлено, на разныхъ правахъ и положеніяхъ. *Послѣ* освобожденія управленіе крестьянами устроили повсюду почти совсѣмъ одинаковое, но совершенно не похожее на управленіе всѣми другими подданными русскаго государства. Для крестьянъ получились отдѣльные, особые, *крестьянскіе* законы, не похожіе на законы общіе о другихъ сословіяхъ. И эти особые, отдѣльные законы о крестьянахъ, какъ высокой стѣной, стали между „мужицкимъ царствомъ“ и всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи.

Разница въ правахъ, происходившая отъ этихъ особенныхъ крестьянскихъ законовъ, все тѣснѣе и тѣснѣе, какъ желѣзнымъ кольцомъ, сжимала крестьянъ и ихъ жизнь. А правительство, которое вначалѣ считало эти особые законы временными, не только не отмѣняло ихъ, а повсюду вводило и укрѣпляло. Началось это съ мировыхъ посредниковъ. Должность эта была *временной*, и нужда въ ней дѣйствительно была, но только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на волю крестьяне отходили *отъ помѣщиковъ*. Однако главный комитетъ вводилъ эту должность и во всѣхъ остальныхъ

мѣстахъ, гдѣ только ни приходилось освобождать крестьянъ, не глядя на то, есть въ тѣхъ мѣстахъ помѣщики или нѣтъ. И получилось, что „появились мировые посредники и въ тундрахъ Архангельской губерніи, никогда не выдавшей помѣщиковъ, и среди сплошь крестьянскаго населенія лѣснаго сѣвера и въ вольной Новороссіи среди грековъ, армянъ, нѣмцевъ и болгаръ, и въ дикой Башкиріи,—вездѣ появились мировые посредники, которымъ не о чемъ было посредничать,“ потому что помѣщиковъ въ тѣхъ мѣстахъ и въ поминѣ не было!

Сдѣлавъ должность мировыхъ посредниковъ *временной* и подчиненной *только* Сенату, правительство сейчасъ же спохватилось, что посредниковъ надо какъ можно скорѣе подчинить министру. И вотъ уже 11 іюля 1861 года министръ внутреннихъ дѣлъ заявляетъ объ этомъ главному комитету. Комитетъ отказалъ. Потомъ задумали мировыхъ посредниковъ сдѣлать вмѣстѣ съ тѣмъ и мировыми судьями, т.-е. соединить въ ихъ лицѣ и начальство и судью.

Въ 1862 году министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ главному комитету „предоставить мировымъ посредникамъ... разбирательство судебныхъ дѣлъ о маловажныхъ поступкахъ“, т.-е. тѣ дѣла, которыя должны были отойти къ мировымъ судьямъ. Министру въ этомъ опять отказали.

Конечно, если бы правительство продолжало идти въ законахъ о крестьянахъ къ тому, чтобъ уравнивать крестьянъ въ правахъ со всѣмъ другимъ

населеніемъ (какъ этого желали редакціонныя комиссіи) и дать крестьянамъ всѣ нужные права и законы, то оно не особенно заботилось бы о сохраненіи должности мировыхъ посредниковъ: кончили бы они свое дѣло, и могли бы уйти совсѣмъ. Но дѣло было не въ посредникахъ, а въ томъ, чтобы такъ или иначе устроить надъ крестьянами *опеку*. Поэтому то и сводились временные законы о крестьянахъ на постоянные. Неустройство крестьянской жизни при недостаточныхъ надѣлахъ, при непосильныхъ платежахъ, при плохомъ, на скорую руку, кое-какъ сложенномъ управленіи крестьянскими дѣлами, — это неустройство за первые же годы послѣ освобожденія становилось яснымъ. Но правительство не заботилось о томъ, какъ бы поскорѣе поправить свои ошибки и избавить крестьянъ отъ всего того, что связывало жизнь ихъ по рукамъ и ногамъ. Правительство пошло по другой дорогѣ, заботясь только о томъ, чтобы не давать общихъ правъ крестьянамъ, подчинить управленіе крестьянами власти высшей администраціи, во главѣ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. И вотъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ въ 1869 году уже пишетъ главному комитету, что такъ какъ, съ одной стороны, отношенія крестьянъ съ помѣщиками установлены, а мелкія судебныя дѣла крестьянъ переданы мировымъ судьямъ, то главной заботой правительства должна стать забота объ *административномъ* устройствѣ крестьянъ или, какъ выразился министръ, „о *руководствѣ* крестьянскимъ

сословіемъ и приведеніи въ должную соразмѣрность его отношеній къ правительству и къ остальному обществу“.

Министръ не рѣшился назвать дѣло по имени: онъ еще не говоритъ объ *опекѣ* надъ крестьянами, а только о „*руководствѣ*“ крестьянскимъ сословіемъ. Конечно, не мировымъ посредникамъ „руководить“ крестьянами: они слишкомъ вѣдь мало подчинены! Ими нельзя министру командовать! Чтобы добиться своего, министръ Тимашевъ напоминаетъ комитету, что близокъ 1870 годъ, когда окончательно должно для крестьянъ кончиться обязательное *пользованіе* помѣщичьей землей, т.-е. крестьяне станутъ собственниками, а это, дескать, не пройдетъ спокойно, и къ этому времени надъ крестьянами надо поставить сильную, „надежную“ власть. Министръ настаивалъ поэтому на томъ, чтобы надъ крестьянами поставить особыхъ начальниковъ для наблюденія за общественнымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ и за исполненіемъ крестьянами ихъ „обязанностей“. Начальниковъ же этихъ подчинить ему, министру. Другими словами, подъ предлогомъ, что наступаетъ 1870 годъ (которымъ министръ запугивалъ, предсказывая волненія среди крестьянъ), министръ добивался не больше, не меньше, какъ того, чтобы были установлены надъ крестьянами особые чиновники, въ родѣ нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ. Но и на этотъ разъ главный комитетъ отказалъ министру. Между тѣмъ 1870 годъ наступилъ и прошелъ совершенно благополучно, никакихъ беспорядковъ не было, и

министерству нечѣмъ было запугивать главный комитетъ.

Поэтому только черезъ 3 года, въ 1873 году, министерство рѣшило, что пора, начавъ съ мировыхъ посредниковъ, приняться за устройство „руководительства и надзора“ за крестьянскимъ управленіемъ. Былъ представленъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ главный комитетъ планъ, по которому обязанности и власть посредниковъ отходили къ разнымъ учрежденіямъ, а больше всего—къ исправнику, вѣрнѣе—къ низшей сельской полиціи. Но на это главный комитетъ не согласился, а исправиль министерскій планъ по-своему. вмѣсто посредниковъ рѣшено было устроить особыя уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ „присутствія“; въ этихъ присутствіяхъ засѣдать подъ предѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства: исправнику, предѣдателю земской управы, почетному мировому судѣ *) и еще особому непремѣнному члену, котораго должны избирать на три года въ губернскомъ земскомъ собраніи и на котораго, въ сущности говоря, и ложилась вся работа по дѣламъ присутствія. Такое „уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе“ и должно было разрѣшать дѣла по земельному устройству крестьянъ и, кромѣ того—взять на себя *руководительство* крестьянскимъ управленіемъ.

Тутъ министерство, хотя и кружнымъ путемъ, своего добилось: главный комитетъ призналъ, наконецъ, открыто, что крестьянами надо *руководить*,

*) По приглашенію министра юстиціи.

другими словами, что крестьянамъ не надо дальше позволять жить и управляться со своими дѣлами свободно, а надо къ нимъ приставить начальство. Начальство это, правда, было еще отъ крестьянъ далеко, сидѣло въ уѣздномъ городѣ, и дѣла крестьянскія рѣшалъ не одинъ человекъ, а сообща нѣсколько. Но зато одно изъ самыхъ важныхъ для крестьянина дѣлъ—собираніе съ крестьянъ денежныхъ сборовъ, платежей и недоимокъ и „руководительство“ этимъ дѣломъ—было поручено *отдѣльному* начальнику, и такимъ начальникомъ сдѣланъ былъ исправникъ.

27 іюня 1874 года новый законъ былъ объявленъ. По этому закону мировые посредники отмѣнились, а дѣла ихъ перешли къ новымъ „уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ“.

Этимъ закономъ правительство открыто признало, что *временное* устройство крестьянъ оно считаетъ постояннымъ, что правительство намѣрено не облегчать жизнь крестьянъ, а стѣснять ее, что оно считаетъ вреднымъ крестьянское самоуправленіе и добавляетъ къ этому (очень дурно устроенному съ самаго начала) самоуправленію „руководительство“ начальства; а что бы удобнѣе было исправнику взыскивать платежи и недоимки и надзирать за крестьянами—правительство черезъ 4 года, въ 1878 году, прибавило къ прежнимъ чинамъ сельской полиціи еще новаго чина, — урядника.

Не прошло и десяти лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, какъ становилось все яснѣе, что кре-

стьяне устроены не ладно, что хозяйство крестьянское не богатѣетъ, а бѣднѣетъ, что платежей крестьяне и вполнину не могутъ платить, что такъ или иначе, а во всемъ этомъ надо разобратъся.

И вотъ въ 1872 году по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева была составлена комиссія „для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи“. Собрали отъ губернаторовъ и земствъ свѣдѣнія объ урожаяхъ, о недоимкахъ и т. п., въ комиссію пригласили и губернаторовъ, и предводителей дворянства, и помѣщиковъ, и управляющихъ и ветеринаровъ. Только тѣхъ, о комъ дѣло шло, забыли позвать: въ комиссіи засѣдало 180 человѣкъ; среди этихъ 180 членовъ комиссіи, сидѣвшихъ въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ,—рядомъ съ губернаторами, съ предводителями дворянства, робко жались двое волостныхъ старшинъ и *одинъ* единственный крестьянинъ: надо же было написать, что и отъ крестьянъ были депутаты!

Однако, хотя этотъ единственный крестьянинъ и словечка не проронилъ, да его и не замѣчали въ комиссіи, дѣло крестьянское само за себя говорило. Многіе члены комиссіи, богатые аристократы-помѣщики, заявили, что дѣло не въ „лѣности“ и не въ пьянствѣ и не въ прогульныхъ праздничныхъ дняхъ, а въ томъ, что налоги и подати свыше мѣры, что ихъ при полученныхъ надѣлахъ уплатить невозможно, и это — самая главная причина обѣдненія крестьянскаго хозяйства (рѣчь кн. Васильчикова). Бывшій орловскій предводитель А. В.

Шереметевъ заявилъ, что „первая и самая крупная причина бѣдственнаго положенія крестьянъ — чрезмѣрное обложеніе ихъ разными сборами, превышающими 200% съ получаемаго отъ надѣловъ дохода; а вторая причина — круговая порука за уплату платежей: крестьянину нѣтъ расчета заводить лучше лошадь, или новое для хозяйства орудіе: начнутъ съ сосѣда недоимку взыскивать, онъ бѣднякъ — съ него взять нечего; а рядомъ побогаче есть мужикъ, онъ по круговой порукѣ долженъ отвѣчать за неплательщика — тащи съ него, что есть“. Какое же тутъ можно прочное хозяйство заводить?

Однако хотя и говорили такъ и доказывали на цифрахъ крестьянское бѣдственное положеніе, но комиссія ни къ чему не пришла, и пользу отъ нея развѣ только министръ Валуевъ получилъ, показавъ свою „дѣятельность и заботливость“ о крестьянахъ тѣмъ, что собралъ комиссію, которая поговорила-поговорила и разѣхалась, ровно ничего не сдѣлавъ. Между тѣмъ хозяйство крестьянское падало, недоимки все росли. Надо было что-нибудь дѣлать.

Вначалѣ 1880 годовъ, т.-е. черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія, правительство надумало, наконецъ, „приступить къ дѣлу“.

Вспомнимъ, что всѣ, стоявшіе въ редакціонныхъ комиссіяхъ за *присильное* освобожденіе, доказывали, что выкупъ надо сдѣлать *обязательнымъ*. Но царь Александръ II на это не согласился, потребовавъ чтобы выкупъ былъ по добровольному соглашенію

Только через 20 лѣтъ правительство поняло, какъ важень и нужень обязательный выкупъ.

И вотъ 28 дек. 1881 г. изданъ былъ законъ *объ обязательномъ выкупѣ*. По этому закону въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянамъ не удалось войти въ добровольное соглашеніе съ помѣщиками о надѣлахъ, надѣлы переходили къ нимъ за обязательный выкупъ. 20 лѣтъ томились въ кабалѣ крестьяне въ такихъ имѣніяхъ, 20 лѣтъ помѣщики помыкали крестьянами, какъ хотѣли, не соглашаясь добровольно на выкупъ надѣловъ. По новому закону помѣщикамъ пришлось уступить. вмѣстѣ съ тѣмъ выкупные платежи были понижены на 1 рубль съ каждаго душеваго надѣла въ великорусскихъ губерніяхъ и на 16 копеекъ въ малорусскихъ.

Но эта „милость“ дѣлу, конечно, не помогала. Надѣлы оставались попрежнему недостаточные, а подати и платежи—попрежнему огромные. вмѣсто прибавки надѣловъ (т.-е. вмѣсто коренной переимѣны) закономъ 22 мая 1881 года были дозволены льготы по арендѣ казенныхъ земель, а на другой годъ дозволена была покупка свободныхъ башкирскихъ земель крестьянскимъ обществамъ, но до крестьянъ, конечно, едва доходили такія распоряженія, и если и помогали кому то эта помощь была каплей въ морѣ.

18 мая 1882 года вышелъ законъ объ открытіи Крестьянскаго поземельнаго банка. Задумано было дѣло хорошее, нужда въ такомъ банкѣ, чрезъ который крестьянамъ удобно и дешево было бы поку-

пать землю, была давно большая. На первыхъ порахъ дѣло пошло хорошо; крестьяне охотно стали пользоваться ссудами банка, тѣснота въ землѣ стала понемногу убавляться. Черезъ 6 лѣтъ по особымъ правиламъ крестьяне получили право составлять для покупки земель товарищества: соединялось вмѣстѣ нѣсколько хозяевъ или обществъ и сообща покупали чрезъ банкъ земли. Но польза отъ Крестьянскаго банка и этихъ товариществъ хотя и выходила, однако, главнымъ образомъ, для зажиточныхъ крестьянъ да для помѣщиковъ, которымъ выгодно было продавать свои имѣнія черезъ крестьянскій банкъ. Деревенская же бѣдность попрежнему оставалась въ тѣснотѣ: ей трудно было составлять поземельныя товарищества для покупки земли чрезъ Крестьянскій банкъ.

Наконецъ правительству пришлось понять, что для помощи крестьянскому хозяйству нужны серьезныя мѣры, нужна или прибавка земли или сбавка платежей. Какъ ни трудно было правительству признать, что надо за самый корень дѣла взяться, — однако дѣлать было нечего: крестьяне не могли платить всѣхъ платежей. Что-нибудь надо было въ этихъ платежахъ облегчить. Иначе крестьянство окончательно обнищаетъ. А между тѣмъ расходы въ государствѣ росли очень быстро, а главнымъ доходомъ были платежи крестьянъ.

И вотъ въ 1885 году рѣшили *отменить подушную подать*. Это была, пожалуй, единственная перемѣна въ законахъ о крестьянахъ, которая

дѣйствительно облегчала ихъ положеніе. Подушная подать лежала тяжелымъ и несправедливымъ гнетомъ на мѣщанахъ и крестьянахъ съ давнихъ временъ. Бралась эта подать, не глядя на то, богатъ или бѣденъ человѣкъ и какой его доходъ, а она просто налагалась на всѣхъ мужчинъ, записанныхъ при ревизіи. За уплату подушной подати населеніе отвѣчало по круговой порукѣ, т.-е. если кто-нибудь не уплатилъ подати, то ее взыскивали съ другого, которому, значить, приходилось вдвое платить. А чтобы удержать круговую поруку — надо было заставлять всѣхъ плательщиковъ жить вмѣстѣ. Для этого запрещалось крестьянамъ отлучаться иначе, какъ по паспорту а, значить, крестьянамъ почти невозможно было уходить на заработки и отхожіе промыслы.

Правительство принуждено было согласиться на отмену подушной подати, потому что при ней стѣсненія для крестьянъ вели ихъ къ полному раззоренію. Государственный Совѣтъ открыто призналъ, что безъ отмены подушной подати „самое освобожденіе крестьянъ не могло считаться завершеннымъ“, т.-е. законченнымъ. 28 мая 1885 года подушная подать была отменена. Вмѣстѣ съ тѣмъ министру финансовъ поручено было составить планъ перемѣны по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ и объ измѣненіи паспортныхъ порядковъ.

Однако дѣло дальше отмены подушной подати не пошло. Собрана была опять комиссія подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Ка-

ханова. Эта комиссія, собравшись, вела разговоры о томъ, что крестьяне обособлены отъ другихъ сословій, что управленіе крестьянами обходится имъ дорого и устроено плохо, что волостной судъ никуда не годится, что надо для пользы хозяйство устроить земельно-хозяйственные союзы крестьянъ, особыя „поземельныя общины“, что надо отменить волости, что вообще все крестьянское управленіе, устроенное временно и протерпевшее больше 20 лѣтъ, пора замѣнить новымъ.

Но всѣ эти разговоры и планы кахановской комиссіи, какъ и валуевской, не привели ни къ чему. Комиссія не столковалась, планы и проекты отдѣльныхъ членовъ такъ и остались ихъ отдѣльными мнѣніями и желаніями. 11 апрѣля комиссія была закрыта, и отъ нея остались только разныя бумаги. Всѣ же „порученія“ министру финансовъ заботиться о нужныхъ перемѣнахъ въ податныхъ и паспортныхъ порядкахъ остались неисполненными.

Правительство, едва отменивъ подушную подать и устроивъ Крестьянскій банкъ, т.-е. едва сдѣлавъ, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, первый шагъ къ тому, чтобы на самомъ дѣлѣ помочь крестьянамъ, сразу остановилось и сейчасъ же пошло назадъ.

Почему? Потому что *самодержавное* т.-е. самовластно-чиновничье правительство можетъ держаться только на народной темнотѣ, забитости и бѣдности. Тамъ, гдѣ вся власть надъ народомъ отдана чиновникамъ, которыхъ никто не имѣетъ права провѣрять, кромѣ такихъ же, только постарше чиномъ, чиновниковъ,

тамъ правительство не можетъ работать на пользу народа. Такой самодержавно-чиновническій порядокъ нигдѣ ни въ какой землѣ не давалъ и не могъ давать народу ничего, кромѣ темноты, безправія и бѣдности. Чтобы прочно держать въ рукахъ власть, самодержавному правительству надо всѣхъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ, а, главное, закрыть народу глаза на всю неправду, на все беззаконіе, на все воровство и лихоимство царскихъ чиновниковъ. Иначе народъ пойметъ весь вредъ, который приходится терпѣть отъ *безотвѣтственнаго* начальства, пойметъ, отъ кого идутъ все зло и вся неправда, и начнетъ тогда требовать себѣ свободы и правъ, т.-е. ограниченія самодержавной власти народными представителями и отвѣтственности чиновниковъ передъ народомъ.

Отдохнувъ отъ крѣпостного права, отъ бѣдности, отъ земельной тѣсноты, очнувшись отъ невѣжества, народъ сталъ бы требовать такихъ порядковъ, при которыхъ интересъ царскихъ чиновниковъ никогда уже не могъ бы заслонять интереса и нужды всего народа. Народъ, понявъ весь вредъ самодержавныхъ порядковъ, при которыхъ чиновники передъ народомъ не отвѣчаютъ, потребовалъ бы отмѣны такихъ порядковъ.

Вотъ чего испугались царскіе чиновники — они боялись потерять свою власть.

Стали они свою власть спасать, т.-е. спасать тотъ самодержавный порядокъ, который далъ имъ власть. Круто сразу повернуло правительство.

Первымъ закономъ, который правительство объявило подъ новымъ своимъ клеймомъ (т.-е. подъ клеймомъ *опеки надъ крестьянами*) былъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ, объявленный 18 марта 1886 г. По этому закону раздѣлъ можно было только тогда устроить, если сельскій сходъ приговоромъ постановитъ разрѣшить раздѣлъ; если же семья раздѣлилась безъ такого разрѣшенія, то раздѣлившіеся члены семьи должны платить подать такъ, какъ будто не раздѣлились.

Этимъ закономъ сельскому сходу поручалась прямо *опека* надъ крестьянами. Давно вмѣсто того, чтобъ укрѣпить за крестьянами волю, гнули дѣло въ другую сторону. Министры стѣснялись только въ словахъ: такъ, припомнимъ, когда проводился въ 1873 году, законъ объ „уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ“, министръ Тимашевъ говорилъ о „*руководительствѣ*“ крестьянами. Теперь, черезъ 13 лѣтъ, въ словахъ перестали стѣсняться! Министръ гр. Толстой прямо заявилъ, что новый законъ присвоить „сходу обязанность *опеки* надъ отдѣльными членами (сельскаго) общества“, и именно эту *опеку* онъ, министръ, считаетъ *особенно* полезной и необходимой *)!

Вотъ, стало быть, куда правительство рѣшило повернуть все дѣло, вотъ для чего всѣ „временные“ законы о крестьянахъ правительство сначала затягивало, а потомъ сдѣлало *постоянными*, вотъ подѣ

*) Отвѣтный отзывъ графа Толстого отъ 18 іюня 1884 года.

какое ярмо привели чиновники самодержавнаго порядка освобожденныхъ отъ крѣпости крестьянъ! Въмѣсто *опеки помѣщика* для крестьянъ изъ воли вышла *опека чиновниковъ*. Такъ позаботилось о крестьянахъ правительство самодержавнаго царя, который на коронаціи своей строго наказывалъ крестьянамъ „слушаться своего начальства и предводителей дворянства и не довѣрять разнымъ вздорнымъ слухамъ о прибавкѣ земли“!..

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ закона о семейныхъ раздѣлахъ вышелъ новый законъ (12 іюня 1886 г.) *о наймѣ на сельскія работы*.

По этому закону крестьянинъ, нанявшійся къ помѣщику, не могъ бросить работы и уйти, хотя бы помѣщикъ его съ голоду морилъ: за „самовольный“ уходъ, т.-е. за то, что нанявшійся бѣднякъ, увидѣвъ себя обманутымъ и обсчитаннымъ, захотѣлъ бы поискать себѣ работы въ другомъ мѣстѣ, новый законъ объявлялъ его преступникомъ, который долженъ былъ отвѣчать за свой уходъ съ работы по уголовному суду!

Отъ такого закона, который прямо закабалялъ помѣщику крестьянина-работника на все время найма, понесло уже настоящими *крѣпостными* порядками...

Какъ-никакъ, а народъ успѣлъ вѣдь привыкнуть и къ той кургузой волѣ, какую ему дали; земства строили школы, приучали народъ къ книгѣ и знанію; торговля шла впередъ, промышленности же само правительство помогало, давая деньги на

постройку новыхъ фабрикъ и заводовъ, а для нихъ нужны рабочіе, которые заносили въ деревню и новыя рѣчи, и книжки, и разговоры о томъ, какая у крестьянъ темная и безправная жизнь; мировые судьи судили по совѣсти и вмѣстѣ съ новыми судами, приучали понемногу народъ искать защиту въ законѣ, на судѣ... Словомъ, воля, и при бѣдности и при безправіи, а все же сказывалась. Деревня и народъ понемногу раскрывали глаза, начинающая понимать, въ чемъ корень зла, безправія, темноты и бѣдности народной. Чего добраго скоро и совѣмъ очнется народъ и потребуетъ себѣ настоящей воли, настоящихъ законовъ, которые уже не чиновники станутъ составлять, а представители народные...

Правительство, конечно, все это видѣло, и понимало, куда дѣло идетъ. Надо было рѣшать, куда вести крестьянъ: къ свободѣ, богатству и правамъ, и отказаться при этомъ отъ своей власти или загнать народъ подъ такое ярмо, чтобы онъ отупѣлъ, обнищалъ и развратился, но за то сохранить за собой власть. Конечно, своя рубашка ближе къ тѣлу.

И вотъ 12 іюня 1889 года объявленъ былъ новый законъ *о земскихъ начальникахъ*, которые должны были, какъ объясняло правительство, явиться для деревни „сильной и твердой властью“. Подъ предлогомъ, что земству будетъ трудно оплачивать при новыхъ начальникахъ должность мировыхъ судей, мировые судьи были по этому закону

отмѣнены, *) а ихъ судебная власть передана земскимъ начальникамъ.

Вотъ уже 17 лѣтъ, какъ надъ деревней командуетъ земскій начальникъ. По закону 1889 года онъ—и *судья* и *начальникъ* въ одно время, онъ надъ деревней полный хозяинъ. Онъ можетъ наказывать и по своему суду и безъ всякаго суда; можетъ арестовывать изъ крестьянъ каждаго, кого захочетъ, на 3 дня или налагать штрафъ до 6 рублей, а жаловаться на него некуда, законъ не позволяетъ. Сходъ безъ его разрѣшенія никакихъ дѣлъ не смѣетъ обсуждать. Каждый приговоръ общественный сходъ долженъ представить на утвержденіе земскаго начальника. Судей волостныхъ сходъ выбираетъ, но это только на словахъ, а на дѣлѣ земскій назначаетъ изъ числа выборныхъ, а то и прямо приказываетъ: „выбрать такого-то“. Всѣ должностныя лица въ деревнѣ подчинены земскому начальнику; онъ ихъ можетъ наказывать или удалить отъ должности по своему „усмотрѣнію“, такъ же и волостныхъ и сельскихъ писарей; онъ же командуетъ и всей сельской полиціей, а законъ поручаетъ ему еще наблюдать и за хозяйствомъ крестьянъ и за ихъ нравственностью... Словомъ, нѣтъ для крестьянина такого уголка въ жизни, гдѣ бы можно было схорониться отъ земскаго начальника: онъ и на сходѣ хозяинъ, и въ крестьянскомъ хозяйствѣ

*) За исключеніемъ обѣихъ столицъ и нѣсколькихъ крупныхъ городовъ.

распоряжается, и даже въ крестьянской семейной жизни—и тамъ ему законъ работу даетъ, поручая надзоръ за нравственностью. А кто онъ такой, земскій начальникъ? Какой-нибудь выгнанный изъ полка офицеръ или помѣщикъ, почти безъ всякаго образованія: изъ 400 слишкомъ, на примѣръ, земскихъ начальниковъ только одинъ (при провѣркѣ) оказался кончившимъ университетъ! Законъ 12 іюля 1889 не требуетъ, чтобы должность земскихъ начальниковъ занимали люди образованные, достойные, выбранные хотя бы въ земскомъ собраніи (какъ выбирались отмѣненные по новому закону мировые судьи). Законъ требуетъ только, чтобы земскій начальникъ былъ непременно *изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ*. Вотъ что было важно для новаго закона: поставить *опять* надъ крестьяниномъ помѣщика. Но такъ какъ форменно вернуть крѣпостного права было уже никакъ нельзя, то помѣщика обрядили въ мундиръ земскаго начальника и посадили его командовать надъ крестьянами, какъ ему вздумается, давъ ему власть и судомъ и безъ суда взыскивать съ крестьянина за каждую малость...

Сколько зла, несправедливостей, насилія и беззаконія творили и творятъ земскіе начальники—всякому крестьянину хорошо извѣстно. Они отучили народъ отъ закона, потому что крестьянинъ отъ земскаго не законъ видѣлъ, а только одно издѣвательство надъ закономъ; а жаловаться можно вѣдь только на судебное рѣшеніе земскаго начальника.

А на его „административныя распоряженія“, т.-е. именно на все его самоуправство, по закону жаловаться нельзя.

Отдавъ крестьянъ подъ опеку земскихъ начальниковъ, правительство, рѣшило что и этого еще мало. Какъ-никакъ, а по Положенію 19 февраля 1861 года крестьяне послѣ выкупа становились полными собственниками своихъ надѣловъ. Нѣсколькими статьями (162, 165, 169) положеніе разрѣшало сельскимъ обществамъ отчуждать общественныя надѣльныя земли, подворные участки; можно было закладывать надѣльныя земли. Но теперь на дѣло смотрѣли иначе, и вотъ съ 1884 года еще задумали запретить отчужденіе надѣльныхъ земель, а въ 1893 году объявили законъ, по которому продажу общественныхъ земель обществу должно разрѣшать „губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе“, если земля, назначенная въ продажу, стоитъ не дороже 500 руб.; если же дороже — то продажу должны разрѣшить нѣсколько министровъ. Залогъ земли совсѣмъ запрещенъ; выдѣлъ и выкупъ подворныхъ участковъ изъ состава общественныхъ земель долженъ разрѣшать сельскій сходъ, т.-е., собственно говоря, земскій начальникъ, который долженъ утвердить приговоръ схода.

Ясно всякому, какъ такой законъ стѣснилъ крестьянъ, отнявъ у нихъ тѣ права, которыя они имѣли по положенію 19 февраля 1861 года.

Въ томъ же 1893 году вышелъ законъ о передѣлахъ земли, по которому уже и самое *пользо-*

ваніе надѣльной землей было сильно стѣснено, а законъ этотъ вводился только тамъ, гдѣ были уже земскіе начальники, которымъ новый законъ и поручалъ ближайшій надзоръ и наблюденіе за крестьянами въ этомъ дѣлѣ.

Этого всего мало. Не только тѣми законами, которые составлялись прямо для крестьянъ и которые отнимали у крестьянъ одно право за другимъ, — но и въ другихъ, „общихъ“ законахъ, правительство не упускало случая наложить руку на крестьянъ, ихъ права и нужды. Такъ, напримѣръ, въ 1890 году было объявлено новое Земское Положеніе. По этому Земскому Положенію 1890 года крестьяне, должны посылать въ земскіе гласные отъ себя только тѣхъ выборныхъ, *которыхъ утвердитъ губернаторъ*. Да и такихъ утвержденныхъ губернаторомъ земскихъ гласныхъ своихъ крестьяне, по новому Земскому Положенію, получили почти *вдвое* меньше противъ прежняго, а на мѣсто другой половины гласныхъ отъ крестьянъ явились, по новому закону, гласные отъ *дворянъ*. Этимъ новымъ закономъ, значить, сразу лишали крестьянъ двухъ правъ: во-первыхъ свободно выбирать и посылать въ земскіе гласные своихъ выборныхъ, а во-вторыхъ — защищать на земскомъ собраніи свои интересы крестьянскіе. Но, отнимая у крестьянъ половину ихъ земскихъ гласныхъ и сажая вмѣсто нихъ дворянъ, новый законъ 1890 года не убавилъ съ крестьянъ платежей (земскихъ сборовъ), не переложилъ часть ихъ съ крестьянъ на помѣщиковъ!

Теперь припомнимъ, что, отмѣняя подушную подать, правительство поручило министру финансовъ озаботиться о перемѣнахъ въ паспортныхъ порядкахъ, т.-е. намѣревалось, какъ будто, *облегчить* для крестьянъ безконечную волокиту съ паспортами. Это было въ 1885 году; въ 1894 году правительство вспомнило о своемъ обѣщаніи и исполнило его, но только какъ разъ наоборотъ. Въмѣсто облегченія новый законъ 3 іюня 1894 года еще больше затруднилъ для крестьянина полученіе паспорта: по этому новому закону паспортъ выдается не иначе, какъ съ согласія схода (а это все равно, что съ согласія земскаго начальника); для членовъ же крестьянскаго двора — съ согласія домохозяина и земскаго начальника. Другими словами, если по прежнимъ порядкамъ достать паспортъ крестьянину было нелегко, то теперь, съ 1894 года, крестьянинъ въ этомъ дѣлѣ (какъ и во всѣхъ другихъ!) прямо отъ земскаго начальника зависитъ. Захочетъ земскій, — дастъ паспортъ, не захочетъ, — не дастъ. А если безъ паспорта уйти по спѣшному дѣлу, — поймутъ, будутъ за бродяжество судить и въ острогъ засудятъ...

При такихъ законахъ легко понять, почему крестьянское хозяйство обѣднѣло.

Оттого, что насаждали разнаго начальства и отняли у крестьянъ даже и тѣ права, какія были даны при объявленіи воли, — платежей не убавилось, а земли не прибавилось. Не могло прибавиться и нужныхъ знаній у крестьянъ, для кото-

рыхъ доходила только такая книжка, какую особый комитетъ въ Петербургѣ дозволилъ; школь открывали мало, да и тѣ правительство старалось замѣнять церковно-приходскими, гдѣ учили уже вовсе кое-какъ, едва грамотѣ научали... При тѣсныхъ надѣлахъ, при непосильныхъ платежахъ, безъ всякихъ знаній, подъ вѣчнымъ страхомъ понасть не за то, такъ за другое подъ арестъ, подъ розги или въ тюрьму, подъ постоянной *опекой*, не смѣя ни землей своей ни имуществомъ распорядиться по своей волѣ, не имѣя права никуда уйти изъ своей деревни, — какъ было вести крестьянству правильное хозяйство? И вотъ, когда наступилъ голодный годъ (въ 1891 году), послѣ страшнаго неурожая въ 16 губерніяхъ, открылось для всѣхъ, какой нищенской, темной и безпомощной сдѣлало правительство крестьянскую жизнь, до какого страшнаго раззоренія довели крестьянъ особые крестьянскіе законы. А вѣдь на 100 человекъ жителей у насъ 80 человекъ — крестьяне. Съ нихъ и получаетъ казна главный свой доходъ. А между тѣмъ недоимки съ крестьянъ уже дошли до того, что, напр., въ Самарской губерніи ихъ насчитывали 240% противъ оклада!

Однако и послѣ голоднаго года, когда люди валились, какъ мухи, съ голоду, отъ голоднаго тифа и цынги въ 16 губерніяхъ, даже и послѣ голоднаго года, показавшаго, какъ на ладони, всю бѣдность и безправность крестьянскую, — правительство продолжало попрежнему относиться къ крестьянамъ: надѣловъ не прибавляло, не облегчало и всѣхъ де-

ревенскихъ порядковъ. Въмѣсто *прибавки* земли еще съ 1889 года разрѣшено было (по особымъ правиламъ) переселяться на казенныя земли. Но переселенцы попадали изъ огня да въ полымя: не зная ни мѣсть, ни обычаевъ, ни климата, рѣдко кому удавалось сносно устроиться. Съ 1896 года правительство измѣнило порядки въ переселенческомъ дѣлѣ, немного облегчило переселеніе. Но и на новыхъ мѣстахъ крестьянинъ все равно не могъ почувствовать себя хозяиномъ: надѣлы тамъ поступали только въ *пользованіе*, а надъ волей крестьянской все равно и тамъ была такая же палка, какъ и въ покинутой деревнѣ: съ 1898 года и въ Сибири были введены земскіе начальники. У нихъ только названіе измѣнили: въ Сибири они называются крестьянскими начальниками. Та же волость, тотъ же волостной судъ, тѣ же порядки находилъ, переселенецъ, только надѣлъ получалъ больше, до 15 десятинъ.

Не прибавляя крестьянамъ земли, правительство, однако, должно было согласиться на сбавку платежей, если не хотѣло окончательно сдѣлать крестьянъ нищими.

Закономъ 1894 года министру финансовъ разрѣшалось разсрочить огромныя (около 100 милліоновъ руб.) выкупныя недоимки, назначая особые сроки для уплаты частями; потомъ въ 1896 году дозволены были пересрочки этихъ сроковъ за особые проценты. При этомъ выходило, что выкупные платежи и недоимки по нимъ ложились не на надѣлы,

а на самихъ плательщиковъ: при разсрочкахъ и льготахъ въ расчетъ брали (по закону 1899 года) не надѣлъ, а то, какъ могъ платить плательщикъ, имѣлъ ли онъ работниковъ, сколько имѣлъ скота, сколько получилъ на другихъ заработкахъ.

Наконецъ 12 марта 1903 г. была отмѣнена круговая порука. Въ ней уже не было и надобности послѣ многихъ перемѣнъ въ полатныхъ порядкахъ. Теперь каждый сталъ отвѣчать за себя, но отъ этого легче не стало, потому что по закону 1899 года за недоимку не только могли продать имущество недоимщика, но и забрать его заработокъ (даже если того, кто заработалъ, не было въ это время дома); мало того, за недоимку могли забрать присланныя недоимщику деньги, или вмѣсто него получить заработокъ.

Отгородивъ крестьянъ всѣми приведенными законами отъ другихъ сословій и ихъ права отъ правъ другихъ русскихъ „подданныхъ“, правительство рѣшило въ началѣ 1890 годовъ, что надопересмотрѣть всѣ эти законы о крестьянахъ. Для этого были въ 1894 году устроены особыя губернскія совѣщанія, составленныя почти изъ однихъ чиновниковъ. Изъ 66 вопросовъ, предложенныхъ этимъ совѣщаніямъ, ни одинъ не говорилъ о *коренныхъ* перемѣнахъ въ устройствѣ крестьянъ. Изъ совѣщаній этихъ, конечно, кромѣ чиновническихъ отвѣтовъ на вопросы ничего не вышло. Потомъ въ 1902 году было объявлено, что пересмотръ нѣкоторыхъ законовъ о крестьянахъ долженъ быть сдѣланъ въ министерствѣ

внутреннихъ дѣлъ, — въ комиссіи изъ разныхъ чиновниковъ. Но въ томъ же 1902 году государь заявилъ курскимъ дворянамъ, что сначала дѣло будетъ передано на мѣста, для обсужденія нужныхъ перемѣнъ дворянами и земцами. Въ этомъ же году открыты были отдѣльныя совѣщанія (губернскія и уѣздныя) о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Совѣщанія эти, хотя въ нихъ и сидѣло много чиновниковъ съ губернаторомъ во главѣ, должны были, однако, указать на самую главную, самую основную нужду крестьянства, которую надо удовлетворить въ первую голову. Нужда эта въ томъ, что крестьянина необходимо освободить отъ всякой опеки; уравнивъ его въ правахъ съ другими сословіями, подчинить *общимъ* законамъ и *общему* начальству, отмѣнивъ всѣ особенные, крестьянскіе законы и все особое, крестьянское начальство; волюсть сдѣлать всесословной; отмѣнить тѣлесныя наказанія; судить крестьянъ, какъ и всѣхъ другихъ, одинаковымъ судомъ и т. п. Безъ всѣхъ этихъ перемѣнъ нельзя помочь крестьянскому хозяйству, даже если и удалось бы прибавить земли.

Совѣщанія продолжали совѣщаться, когда терпѣніе крестьянское лопнуло, и въ южныхъ губерніяхъ (Харьковской, Полтавской и др.) вспыхнули крестьянскіе „беспорядки“. Повелѣно было отъ царя взыскать убытки помѣщиковъ съ крестьянъ (убытковъ этихъ насчитали на 800 тысячъ рублей). А 11 августа 1904 года по царскому манифесту были сложены выкупныя недоимки, и крестьяне были

„освобождены“ отъ тѣлеснаго наказанія. *) 12 декабря 1904 г. обѣщано было въ особомъ царскомъ указѣ, что крестьянамъ будутъ обеспечены права „полноправныхъ сельскихъ обывателей“, а всѣ отдѣльные законы о крестьянахъ будутъ отмѣнены.

Послѣ того поднялась на нашей землѣ борьба за настоящую, *прочную* свободу для всего народа, за отмѣну самодержавныхъ порядковъ, отъ которыхъ уже ни крестьянамъ, ни другимъ сословіямъ житья не стало. 6 августа 1905 года вышелъ законъ о Государственной Думѣ, т.-е. о собраніи народныхъ представителей. Но хотя 12 декабря 1904 г. и было обѣщано, что крестьянъ уравниваютъ со всѣми въ правахъ, однако 6 августа крестьяне опять отъ всѣхъ другихъ сословій въ правахъ были отгорожены: избирать своихъ представителей крестьяне должны четырехстепенной подачей голосовъ, т.-е. члена Думы, своего представителя, не всѣ крестьяне будутъ выбирать, а только *кучка* выборныхъ или выборщиковъ, которую легко подкупить или запугать. Такими же остались крестьянскіе выборы и по другому закону 11 декабря 1905 г., хотя для другихъ избирательное право было немного расширено.

*) На самомъ дѣлѣ тѣлесное наказаніе было отмѣнено лишь по имени. Оно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примѣнялось и теперь примѣняется во время усмиренія крестьянскихъ волненій, несмотря на торжественное объявленіе манифеста 17 октября неприкосновенности личности.

3 ноября 1905 года вышел манифестъ, по которому половина „оставшихся“ выкупныхъ платежей снята совсѣмъ, а другую половину обѣщано снять въ 1906 году.

Можно подумать, что этотъ манифестъ — милость царская. Но выкупные платежи должны были быть сняты гораздо раньше, потому что за свой долгъ въ 897 милліоновъ рублей, вмѣстѣ съ процентами, крестьяне (помѣщичьи) къ 1 января 1906 года уже заплатили больше *полтора миллиарда*, т.-е. съ избыткомъ покрыли свой долгъ и проценты на него; такъ же и другіе государственные и удѣльные крестьяне. Но въ манифестѣ 3 ноября 1905 г. говорится, что половина оставшихся платежей будетъ сложена только въ 1906 году. Другими словами, съ крестьянъ и въ 1906 году еще будутъ брать деньги за долгъ, который окончательно съ избыткомъ уже уплаченъ къ 1 января 1905 года.

Теперь повсюду идутъ крестьянскія волненія. Крестьяне требуютъ земли и правъ, отказываются платить подати, давать рекрутовъ, не берутъ на аренду земли.

Кто довелъ крестьянъ до этого открытаго возстанія? Безправіе, бѣдность, малые надѣлы, непосильные платежи и особые крестьянскіе законы.

Послѣ освобожденія крестьянамъ не дали и не могли при самодержавныхъ порядкахъ дать хорошаго, правильнаго и свободнаго устройства. Вмѣсто того вся жизнь крестьянина была отгорожена, какъ

въ закутокъ, отъ жизни другихъ сословій особыми законами, чтобы держать ими народъ въ темнотѣ и безправіи, потому что такъ было нужно для сохраненія самодержавныхъ порядковъ.

Только въ свободной странѣ, чрезъ свободно выбранныхъ своихъ представителей, народъ можетъ добиться всѣхъ нужныхъ законовъ и прибавки земли, и устроить жизнь свою правильно, свободно и безбѣдно.

40449